

НАТО вестник

ЗИМА 2000/2001 гг.

ДЕК./ЯНВ./ФЕВР.

В борьбе с новыми угрозами безопасности

Интервью
с Тедом
Уайтсайдом
стр. 22-23

Переоценивая
союзы времен
«холодной войны»
стр. 31 - 33

Издаваемый под эгидой Генерального секретаря НАТО настоящий журнал имеет своей целью содействие конструктивному обсуждению вопросов, связанных с деятельностью Североатлантического союза. Поэтому помещенные в журнале статьи не обязательно отражают официальную точку зрения или политическую линию правительства государств-членов НАТО или самой этой организации.

Редактор: Кристофер Беннетт

Помощник редактора: Вики Нильсен

Помощник по производству: Фелисити Бриз

Макет: Графическая студия НАТО

Издатель: руководитель отдела информации и прессы НАТО

NATO, 1110 Brussels, Belgium

Отпечатано в Бельгии Editions Européennes

© NATO

revieweditor@hq.nato.int
publications@hq.nato.int

Допускается воспроизведение статей при наличии разрешения редактора журнала с обязательной ссылкой на «NATO Review» и указанием имен и фамилий авторов статей, если они приводятся в оригинале.

«NATO Review», являющийся периодическим изданием, выходит на английском, а также на чешском, датском, голландском, французском, немецком, греческом, венгерском, итальянском, норвежском, польском, португальском, испанском и турецком языках. Один выпуск в год выходит на исландском языке. Выпуски на русском и украинском языках выходят, как правило, на разовой основе.

«NATO Review» также публикуется на веб-сайте НАТО:
WWW.NATO.INT/DOCU/REVIEW.HTM

«NATO Review» можно получить бесплатно по адресу:
NATO Office of Information and Press:
1110 Brussels, Belgium
факс: (32-2) 707.4579
эл. почта: distribution@hq.nato.int

Все случаи упоминания в настоящем журнале бывшей югославской Республики Македония помечены звездочкой (*) со ссылкой на следующую сноскую: «Турция признает Республику Македония под ее конституционным названием».

содержание

НАТО В ФОКУСЕ

4

Новости Североатлантического союза

В БОРЬБЕ С НОВЫМИ УГРОЗАМИ БЕЗОПАСНОСТИ

6

Помощь Америке

Кристофер Беннетт рассказывает о том, как НАТО оказывает помощь США после 11 сентября.

8

Переосмысливая понятие «безопасность»

Роберт Холл и Карл Фокс доказывают необходимость новых стратегий для противостояния вызовам безопасности в XXI веке.

12

Бороться с терроризмом

Фрэнк Дж. Киллуфф и Даниэль Ранкин призывают к гибкому, всеобъемлющему и скординированному подходу.

© Reuters

ФОТО НА ОБЛОЖКЕ

Манхэттен 12 сентября.

16

Противостоять угрозе из виртуального пространства Тимоти Шимибл, Фил Уильямс и Кейси Данлеви доказывают необходимость включения в военное планирование элементов виртуального мира.

СПЕЦИАЛЬНО В НОМЕР

19

К новому стратегическому партнерству

Виллем Матцер рассматривает отношения между НАТО и Россией после 11 сентября.

ИНТЕРВЬЮ

22

Тед Уайтсайд: руководитель Центра НАТО по ОМП

Том 49
Зима 2001/2002 гг.

ОЧЕРК
24

На линии фронта

Осман Явузалп анализирует отношения НАТО с ее центрально-азиатскими партнерами.

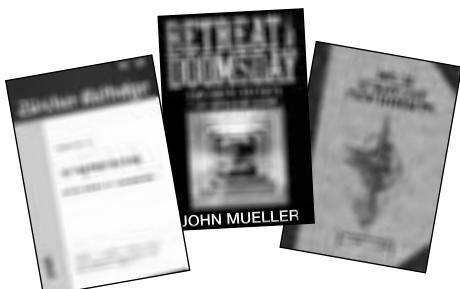

**ДЕБАТЫ
26**

Какое место в свете событий 11 сентября занимает противоракетная оборона в приоритетах расходов на обеспечение безопасности?
Кит Б.ПЕЙН против Джозефа Чиринчионе
Каковы самые большие угрозы безопасности? Какие ресурсы следует направлять на создание противоракетной обороны?

**ОБЗОР
31**

Переоценивая союзы времен "холодной войны"
Петр Лунак пишет о новом переосмыслении вопросов, связанных с НАТО и Организацией Варшавского договора.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

34

Международный терроризм

Редакционная статья

Масштабы событий, произошедших 11 сентября, когда террористы направили угнанные авиалайнеры на здания Пентагона и Всемирного центра торговли, таковы, что эта дата уже стала частью коллективного сознания человечества. Мало кто из живущих сегодня сможет забыть где они были или что делали в тот момент, когда услышали эту новость. В этой связи настоящий выпуск «Вестника НАТО» посвящен новым угрозам в области безопасности и путям их отражения. В первой из четырех статей по этой теме я рассматриваю вопросы содействия США, оказанного Североатлантическим союзом после атак 11 сентября. Затем, в статье Роберта Холла и Карла Фокса доказывается необходимость новой всеобъемлющей международной стратегии для противостояния вызовам XXI века в области безопасности. Франк Дж.Киллуфф и Даниэль Ранкин из Центра стратегических и международных исследований подчеркивают важность принятия всеобъемлющей и скоординированной стратегии в борьбе против терроризма. Тимоти Шимилл, Фил Уильямс и Кейси Данлеви из Аналитического центра СЕРТ Университета Карнеги Меллон в Питтсбурге, шт. Пенсильвания, показывают необходимость включения в военные планы аспектов виртуального мира для ограничения физического ущерба в реальном мире. Далее, Виллем Матцер из Бюро специального советника НАТО по Центральной и Восточной Европе анализирует развитие отношений между НАТО и Россией после 11 сентября, а Осман Явузалп из Отдела по вопросам политики НАТО рассматривает отношения Североатлантического союза с его центрально-азиатскими партнерами. Тед Уайтсхед из Центра НАТО по ОМП рассказывает в интервью о работе своего центра. В разделе «Дебаты» Кит Пейн из Национального института государственной политики и Джозеф Чиринчионе из Фонда Карнеги по международному миру обсуждают место противоракетной обороны в приоритетах расходов на обеспечение безопасности после событий 11 сентября. В своем очерке Петр Лунак, редактор, работающий по программе установления контактов и связей в Отделе информации и прессы НАТО, рассматривает то, как документы, найденные в архивах Организации Варшавского договора влияют на традиционные толкования вопросов военных союзов времен «холодной войны» и вызывают в них сомнение. В заключение выпуска представлены статистические данные о международном терроризме и карта с указанием гражданства погибших 11 сентября.

Кристофер Беннетт

Вакансии в НАТО

Граждане стран НАТО могут подавать заявления о приеме на работу на любой пост в международном секретариате НАТО. Подробная информация о вакансиях, порядке приема на работу и формах заявлений имеется на веб-сайте НАТО:

<http://www.nato.int/structur/recruit/index.htm>

НАТО В ФОКУСЕ

Робертсон в России

В ходе визита в Россию с 21 по 23 ноября генеральный секретарь НАТО **lord Робертсон** провел встречу в **Москве** с российским президентом **Владимиром Путиным**, министром иностранных дел **Игорем Ивановым**, министром обороны **Сергеем Ивановым** и председателем Совета национальной безопасности **Владимиром Рушайло**. Основное внимание в ходе переговоров уделялось комплексу предложений по углублению сотрудничества, в частности, в борьбе с терроризмом.

20-21 ноября в **НАТО** состоялось ежегодное заседание **начальников генеральных штабов** (НГШ) стран НАТО. После этого заседания была проведена отдельная встреча НГШ с их коллегами из стран Совета евроатлантического партнерства, России и Украины.

Генерал германских BBC **Гаральд Күят** назначен преемником адмирала **Гуидо Вентурони** на посту председателя Военного комитета с вступлением на этот пост с июня 2002 г. на трехлетний срок.

К нормальной жизни

Лорд Робертсон приветствовал мирное проведение выборов во временное Законодательное собрание в **Косово** 17 ноября в качестве "замечательного шага к нормальной жизни", который даст всем общинам края "возможность построить подлинно демократическое многоэтническое процветающее общество".

Лорд Робертсон поздравил парламент бывшей югославской Республики **Македония*** в связи с принятием 16 ноября 15-ти поправок к Конституции для обеспечения равенства национальных меньшинств.

12 ноября, в ходе поездки в страны-претенденты на членство в НАТО, **lord Робертсон** посетил **Любляну** (Словения), где он провел переговоры о ходе выполнения Словенской критерии членства в НАТО с президентом **Миланом**

Куканом, премьер-министром **Янешем Дрновчеком** и министром обороны **Антоном Гризольдом**, а также с членами парламента.

Поездка на Балканы

После возобновления гражданских беспорядков в бывшей югославской Республике Македония* **lord Робертсон** провел 7 ноября встречу с руководителями правительства в столице страны **Скопье**, с целью достижения прогресса в осуществлении обещанных внутренних реформ. На следующий день он отправился в **Приштину** (Косово) для встреч со специальным представителем ООН **Хансом Хаккерупом** и командующим войсками КФОР генералом **Марселем Валентином**, на которых обсуждались вопросы подготовки к выборам в новое законодательное собрание, запланированным на 17 ноября.

5-6 ноября в **НАТО** состоялось заседание **Конференции руководителей национальных ведомств по вооружениям**, где обсуждались вопросы усиления оборонного потенциала НАТО, дальнейших возможностей военного сотрудничества со странами-партнерами и развития программы противоракетной обороны театра военных действий НАТО, а также системы наблюдения наземного базирования Североатлантического союза. Впервые для участия в определенных заседаниях конференций были приглашены государства-партнера.

Поездка по столицам

5 ноября **lord Робертсон** выехал в поездку по 9-ти странам-партнерам, претендующим на вступление в НАТО, которая началась с визита в **Братиславу** (Словакия). Он провел там встречу с президентом **Рудольфом Шустером**, премьер-министром **Микулашем Джуриндой**, министром иностранных дел **Эдуардом Куканом**, министром обороны **Йозефом Станком** и членами парламента Словакии.

5-20 ноября во **Вроцлаве** (Польша) проводились учения "Эллайд эфорт 2001", в которых приняли участие 2500 военнослужащих из 14-ти стран НАТО и 13-ти государств-партнеров. Целью учений, которые были организованы **командованием ОВС НАТО "Север"**, была отработка вопросов планирования и проведения операций по поддержанию мира штабами и компонентными командованиями многонациональной объединенной оперативно-тактической группы.

29-30 октября в **Хан Пъясаке** (Босния и Герцеговина) в контролируемой сербами деревне, где во время войны в Боснии находился штаб боснийских

сербов, военнослужащие **СФОР** обнаружили **два тайника с незаконно хранимым оружием**.

29 октября, на заседании в **Тбилиси** (Грузия) **Научный комитет НАТО** утвердил проект "Виртуальный шелковый путь", обеспечивающий доступ к Интернету через спутниковую сеть ученым и преподавателям в восьми странах Центральной Азии и Южного Кавказа.

5-16 ноября в **Баку** (Азербайджан) проводились учения "Кооператив дерминейшн 2001", в которых приняли участие 9 стран НАТО и 11 государств-партнеров. Эти командно-штабные учения с использованием ЭВМ были организованы **командованием ОВС НАТО в Южной Европе** и были направлены на совершенствование военной оперативной совместности сил и средств при операциях по реагированию на кризис.

25-27 октября в **Бухаресте** (Румыния) состоялась встреча парламентариев из стран НАТО и государств-партнеров для проведения семинара по теме "Роль НАТО в обеспечении безопасности в черноморском регионе", организованном **Парламентской ассамблей НАТО** во взаимодействии с палатой депутатов Румынии.

26 октября в **НАТО** состоялась международная конференция под названием "Десять лет партнерства и сотрудничества", посвященная десятой годовщине создания **Совета североатлантического сотрудничества**.

Новая информация о противоракетной обороне

25 октября высокопоставленные дипломаты **США** ознакомили послов **НАТО** с новой информацией о планах создания в США противоракетного щита по итогам состоявшихся в конце предшествующей недели переговоров между

президентами Российской Федерации и США в Шанхае (Китай) по вопросу Договора по противоракетной обороне 1972 г.

24 октября адмирал ВМС США **Грегори Г. Джонсон** принял у адмирала ВМС Джеймса Эллиса командование **РК ОВС НАТО в Южной Европе** – региональным командованием, располагающимся в Неаполе (Италия) и отвечающим за проведение операций по поддержанию мира под руководством НАТО на Балканах.

24-25 октября **lord Робертсон** посетил **Лиссабон** (Португалия), где он провел встречи с президентом Португалии **Хорхе Сэмпайо**, премьер-министром **Антонио Гуттерресом**, министром иностранных дел **Джеймом Гама** и министром обороны **Руи Пена**, а также выступил на конференции по вопросам будущего трансатлантических отношений.

Восьмое заседание **Североатлантического совета и Комитета по вопросам политики и безопасности Европейского союза**, которое состоялось 23 октября 2001 г. в **НАТО**, было посвящено вкладам в международную коалицию по борьбе с терроризмом, вопросам мирного процесса в бывшей югославской Республике Македония* и прогресса, достигнутому в создании механизмов сотрудничества между ЕС и НАТО.

22 октября в **НАТО** состоялась встреча между **lordом Робертсоном** и премьер-министром, бывшим королем Болгарии **Симеоном Сакс-Кобург Гота**.

НАТО В ФОКУСЕ

17-23 октября в **Боровце** (Болгария) состоялось учение "Кооператив саппорт 2001", целью которого было отработка войсками НАТО и государственных партнеров тыловых вопросов операций по поддержанию мира, включая морской, сухопутный, воздушный, амфибийный и медицинский компоненты.

22 октября **постоянное оперативное соединение ОВМС НАТО на Атлантике** вышло из военно-морской базы в **Зеебрюгге** (Бельгия) и направилось в восточный район Средиземноморья для усиления **постоянного оперативного соединения ОВМС НАТО в Средиземном море** в поддержку операций по Статье 5 в борьбе с терроризмом.

18 октября 2001 г. **lord Робертсон** и Верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе генерал **Джозеф Ралстон** присоединились к делегации высокого уровня, представляющей Европейский союз и Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в призыве к правительству и лидерам оппозиции в **бывшей югославской Республике Македония*** возобновить процесс внутренних реформ.

Развертывание сил и средств НАТО

9 октября, впервые в истории НАТО, было произведено развертывание ее сил и средств в поддержку **операций по Статье 5**. Пять самолетов дальнего

радиолокационного обнаружения и управления ("**АВАКС**") были направлены в США для того, чтобы высвободить самолеты США для ведения действий над Афганистаном. Была также изменена дислокация **постоянного оперативного соединения ОВМС НАТО в Средиземном море** с целью обеспечения присутствия НАТО в восточном районе Средиземноморья, в связи с чем были прервано ежегодное учение морских, воздушных и амфибийных сил "**Дестинд глори 2001**", которое по плану должно было проводиться с 5 по 23 октября.

8-10 октября в ходе визита в **Северную Америку** **lord Робертсон** провел встречу с премьер-министром Канады

Жаном Кретьеном, президентом США **Джорджем Бушем** и другими высокопоставленными лицами. Основное внимание в ходе переговоров уделялось вопросам контртеррористической деятельности и вкладов стран в **операцию "Несокрушимая свобода"**.

Меры по Статье 5

4 октября **союзники по НАТО** по просьбе США договорились принять индивидуально и коллективно **восемь мер** по расширению возможностей при проведении кампании против терроризма. К ним относится развертывание кораблей постоянных оперативных соединений ОВМС НАТО в восточном районе Средиземноморья и самолетов "АВАКС" в США.

4-5 октября в **Софии** (Болгария) **lord Робертсон** провел встречу с главами государства "Вильнюсской группы" – Албании, Болгарии, Хорватии, Эстонии, Латвии, Литвы, Румынии, Словакии, Словении и бывшей югославской Республики Македонии*. На встрече главное внимание уделялось обсуждению вопросов новых угроз глобальной безопасности после террористических атак на США.

Встреча с Путиным

3 октября в **Брюсселе** (Бельгия) на встрече с **lordом Робертсоном** президент Российской Федерации **Владимир Путин** вновь заявил о стремлении России вносить свой вклад в глобальную кампанию против терроризма. В ходе встречи обсуждались также вопросы положения в Чечне, противоракетной обороны, перспектив отношений между Россией и НАТО, а также пути расширения текущего сотрудничества с включением в него новых направлений деятельности.

3 октября французский генерал **Марсель Валентин** сменил норвежского генерала **Торстейна Скиакера** на посту командующего **КФОР**. Он будет занимать этот пост в течение года, так как в ходе реорганизации КФОР был удлинен существовавший до этого шестимесячный срок ротации.

3-6 октября в г. **Блед** (Словения) на ежегодной ассамблее Ассоциации атлантического договора, проводимой **Атлантическим советом Словении**, обсуждалась тема "Новая НАТО – тенденции, вызовы, надежды и возможности".

Подтверждение применения Статьи 5

2 октября лорд **Робертсон** подтвердил применение Статьи 5 после того, как представители США проинформировали **послов НАТО** о результатах расследования **террористических атак**, совершенных 11 сентября. Представители США подтвердили, что эти атаки направлялись из-за границы террористической сеть "Аль-Каида", возглавляемой Осамой бен Ладеном.

2 октября в **НАТО** состоялась встреча между президентом Польши **Александром Квасьневским** и **lordом Робертсоном**. Польский президент выразил готовность своей страны содействовать борьбе против терроризма и увеличить свое миротворческое присутствие на Балканах. В ходе переговоров также рассматривались вопросы военной реформы и шестилетнего плана, который был принят в 1999 г. в целях модернизации польских вооруженных сил.

1 октября в **Берлине** (Германия) состоялась встреча **lordа Робертсона** с министром обороны **Рудольфом Шарпингом**, министром иностранных дел Йошкой Фишером и председателем оппозиционной партии ХДС **Angelой Меркель**. В ходе встречи обсуждалась вопросы поддержки Германией кампании против терроризма, а также ведущей роли Германии в **тактической группе "Эмбер фокс" в бывшей югославской Республике Македония***, которая обеспечивает безопасность наблюдателей ЕС и ОБСЕ.

С 1 по 25 октября на **северо-западе Турции** проводилось учение "Экс-чайнд адвенчер 2001" по подготовке сил высокой готовности к проведению операций по Статье 5, в которых участвовало около 2000 военнослужащих из 14 стран НАТО.

28 сентября **lord Робертсон** принял участие в церемонии в **Оборонном**

колледже НАТО в Риме (Италия), посвященной празднованию его 50-й годовщины.

28-29 сентября на первом организованном НАТО семинаре, проводимом в столице СРО **Белграде**, обсуждались перспективы присоединения **Союзной Республики Югославии** к программе "Партнерство ради мира" и евроатлантическому сообществу в сфере обеспечения безопасности.

Встреча министров обороны

26 сентября в штаб-квартире **НАТО**, после террористических атак, совершенных 11 сентября, состоялась неофициальная встреча **министров обороны НАТО**, на которой они вновь выразили свою солидарность с США и приверженность принципу **Статьи 5**. Заместитель министра обороны США **Пол Булфович** проинформировал министров о разрабатываемом широкомасштабном долгосрочном подходе к борьбе с терроризмом. В ходе заседания обсуждались вопросы воздействия террористических атак на будущую структуру и задачи НАТО, необходимость создания более гибких вооруженных сил и обмена информацией, а также обязательства НАТО на Балканах.

25 сентября, за день до завершения операции "Эссеншэл харвест" – продолжавшейся 30 дней миссии по раз-

оружию этнических албанских повстанцев в бывшей югославской Республике Македония* – **lord Робертсон** посетил Скопье, где он встретился с руководителями правительства и провел обсуждение договоренностей о сменяющих силах для обеспечения дополнительной безопасности международных наблюдателей.

 Дополнительную информацию см. в **NATO Update** по адресу: www.nato.int/docu/update/index.htm

Помогая Америке

Кристофер Беннетт рассказывает о том, как Североатлантический союз оказывает помощь США после 11 сентября и о его вкладе в кампанию против терроризма.

З а несколько месяцев, прошедших после того, как террористы угнали авиалайнеры и врезались на них в здания Пентагона и Всемирного торгового центра, союзники по НАТО и их партнеры сплотились вокруг США, демонстрируя беспрецедентную поддержку и солидарность. Все это – от немедленного применения Статьи 5 Вашингтонского договора после атак и представления Соединенным Штатам самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и управления "АВАКС" до подготовки к возможному участию в гуманитарных операциях в Афганистане – свидетельствует убедительное слово о единстве Европы и Америки перед лицом общих вызовов в области безопасности.

Принятое 12 сентября решение о применении Статьи 5 – главной статьи Основополагающей хартии НАТО, в которой говорится, что вооруженное нападение на одного из союзников в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на всех союзников по НАТО, является глубочайшим проявлением солидарности Североатлантического союза. Вначале эта статья была применена временно, до установления факта направления атак на США из-за границы. Затем 2 октября это решение было подтверждено генеральным секретарем НАТО лордом Робертсоном после того, как представители США проинформировали Североатлантический совет (САС) о результатах расследования этих атак.

Мало кто из отцов-основателей Североатлантического союза мог представить себе, что Статья 5 будет впервые применена в результате нападения на США, а не на европейского союзника по НАТО. Однако, несомненно, что быстрота, с которой было принято это решение, и степень единства, которое оно собой являло, произвело на всех впечатление. Более того, историческое решение САС явилось лишь одним из многих проявлений поддержки Соединенных Штатов и осуждения атак, прозвучавших в штаб-квартире НАТО в дни после 11 сентября.

Также 12 сентября 46 членов Совета евроатлантического партнерства – 19 союзников по НАТО и 27 партнеров – безоговорочно осудили эти атаки как жестокие и бесмысленные преступления, подрывающие их общие ценности. Более того, они единогласно решили, что не допустят подрыва этих ценностей теми, кто идет путем насилия, и взяли на себя обязательство предпринять все возможные усилия по борьбе со злом терроризма. 13 сентября Совместный постоянный совет НАТО-Россия осудил совершенные атаки и пришел к единому мнению о необходимости сотрудничества между НАТО и Россией в борьбе с международным терроризмом. Затем 14 сентября Комиссия НАТО-Украина осудила атаки на США, и в заявлении по итогам этого заседания Украина объявила о своей готовности полностью

содействовать передаче правосудию ответственных за эти атаки.

4 октября, с целью осуществления положений уже применяемой статьи 5 и расширения возможностей для проведения кампании против терроризма, союзники по НАТО договорились принять по просьбе США меры по восьми направлениям. В частности, они договорились усилить обмен разведанными и сотрудничество, как двустороннее, так и с соответствующими органами НАТО, занимающимися вопросами угроз, исходящих от терроризма, и противодействием им; предоставлять на индивидуальной или коллективной основе, при необходимости и в соответствии с возможностями, помочь союзникам и другим государствам, которые могут стать объектом повышенной террористической угрозы в результате их поддержки кампании против терроризма; а также принять необходимые меры для обеспечения повышенной безопасности объектов США и других союзников по НАТО на своей территории.

Союзники также договорились доукомплектовать резервистами отдельные силы и средства Североатлантического союза, необходимые для поддержки операции против терроризма; дать общее разрешение на пролеты самолетов США и других союзников в военных целях, связанных с операцией против терроризма; предоставить доступ Соединенным Штатам и другим союзникам к портам и аэродромам на территории государств НАТО для проведения операций против терроризма. В дополнение к этому САС пришел к единому мнению о готовности Североатлантического союза развернуть часть своих постоянных соединений ВМС в восточном районе Средиземного моря и направить пять самолетов "АВАКС" в США для поддержки операции против терроризма.

8 октября пять самолетов НАТО "АВАКС" с их экипажами, включающими личный состав из Бельгии, Канады, Дании, Германии, Греции, Италии, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Испании, Турции, Великобритании и США, вылетели в Соединенные Штаты для оказания содействия при проведении контртеррористических операций. Их базирование там рассчитано на первые шесть месяцев при проведении первой ротации через шесть недель. На этот период выполнение задач, обычно выполняемых самолетами НАТО, в частности, над Боснией и Герцеговиной, взяли на себя экипажи французских самолетов "АВАКС".

9 октября в восточный район Средиземного моря направилось постоянное оперативное соединение ОВМС НАТО в Средиземном море, в состав которого входят восемь фрегатов и одно судно снабжения из восьми стран. Эти силы под командованием Великобритании не участвуют в боевых действиях, но демонстрируют решимость Североатлантического союза и его участие в кампании против терроризма. Более того, они

Кристофер Беннетт – редактор "Вестника НАТО".

готовы выполнять и другие задачи, включая участие в дипломатических инициативах, например, в рамках Средиземноморского диалога Североатлантического союза (структуры НАТО для проведения дискуссий и сотрудничества со странами широкой зоны Средиземноморского региона). Позднее к этим кораблям присоединилось постоянное оперативное ОВМС НАТО на Атлантике.

7 октября США и Великобритания начали военные действия против террористической сети "Аль-Каида" и режима «Талибан», который укрывал ее в Афганистане. Хотя эти действия, продолжающиеся в настоящее время, не являются операцией НАТО, содействие им оказывают все члены Североатлантического союза, многие из которых также выделили сухопутные войска и другие военные силы и средства для поддержки кампаний и предоставления гуманитарной помощи афганскому народу. Свой вклад в борьбу против терроризма внесли и военные силы НАТО на Балканах. Ими арестованы несколько подозреваемых террористов, имеющих связи с сетью "Аль-Каида", и они продолжают расследовать деятельность иностранных граждан, которые приехали в регион в качестве добровольцев во время боевых действий и остались там.

13 ноября, с учетом потенциально тяжелой гуманитарной ситуации, САС поручил руководящим военным органам НАТО подготовить план действий для разных вариантов обстановки при возможных гуманитарных операциях в Афганистане и вокруг него. У Североатлантического союза имеются специальные знания и опыт в этой области, а также значительный тыловой потенциал, как это было продемонстрировано в ходе кризиса в Косово в 1999 г. Возможный вклад НАТО в связи с текущим кризисом будет осуществляться по просьбе ООН и в тесном взаимодействии с учреждениями ООН и другими международными организациями. В этих трудных условиях крайне важную роль может сыграть уникальное сотрудничество между вооруженными силами НАТО, которое явилось основой успеха коалиционной кампании против Ирака десять лет назад и текущих операций по поддержанию мира на Балканах.

После событий 11 сентября Североатлантический союз значительно активизировал свою деятельность по противодействию опасности применения террористами оружия массового поражения (ОМП) с во всех областях, в том числе в политической, военной и медицинской. Активизировались и участились обмены информации между союзниками по вопросам терроризма с приме-

нением ОМП. Кроме того, Центр по ОМП (см. интервью с руководителем Центра по ОМП Тедом Уайтсайдом на стр. 22-23) вносит свой вклад в улучшение координации всех видов деятельности, связанных с ОМП, в штаб-квартире НАТО.

25-26 октября в НАТО состоялось заседание руководителей организаций по гражданскому чрезвычайному планированию стран НАТО и государств-партнеров с целью обсуждения последствий атак, совершенных 11 сентября. Они договорились подготовить перечень национальных сил и средств, включая транспортные, медицинские и научные ресурсы, которые в случае биологической, химической или радиологической атаки могут использоваться для усиления защиты гражданского населения. При необходимости, Евроатлантический координационный центр реагирования на стихийные бедствия и катастрофы, который находится в НАТО и укомплектован экспертами из ряда стран НАТО и государств-партнеров, может выступать в качестве контрольно-аналитического центра по вопросам предоставления международной помощи, точно так же, как это делалось в последние годы при ряде стихийных бедствий.

© Reuters

Взлет: пять самолетов НАТО «АВАКС» были направлены в США для оказания помощи при проведении контртеррористических операций

активных консультаций и сотрудничества между двумя организациями. 12 октября лорд Робертсон проинформировал министров обороны стран ЕС о шагах, предпринятых НАТО в ответ на просьбы США и рекомендации руководящих военных органов НАТО. Кампания против терроризма занимала также важное место в повестке дня совместного заседания министров иностранных дел стран ЕС и НАТО, состоявшегося 6 декабря в Брюсселе.

События 11 сентября также придали новый импульс отношениям между НАТО и Россией (см. статью на стр. 19-21). Вопрос ответных мер на террористические атаки стал постоянной темой заседаний Совместного постоянного совета НАТО-Россия. Более того, 3 октября в Брюсселе и 22 ноября в Москве состоялись встречи между лордом Робертсоном и российским президентом Путиным, где обсуждались пути совместной деятельности между НАТО и Россией в борьбе с терроризмом и развитие более тесных отношений, отражающих сотрудничество в этой и других областях.

Переосмысливая понятие "безопасность"

Роберт Холл и Карл Фокс доказывают необходимость новой всеобъемлющей транснациональной стратегии для противостояния вызовам безопасности в XXI веке.

В день, когда террористы нанесли удар в самое сердце Соединенных Штатов, в Великобритании открывалась выставка современной военной техники. Эти два события случайно совпали по времени. Однако при их совместном рассмотрении они выступают в качестве символов фундаментальных сдвигов в мире в области международной безопасности. Первая особенность этих событий заключается в том, что современные угрозы имеют совершенно иной характер и масштаб, чем прежде. Второй особенностью является то, что современные попытки противостояния им представляются все более неадекватными. Для решения проблем нового тысячелетия недостаточно оружия, предназначавшегося для отражения угроз в конце прошлого. Однако, помимо конкретных технологий, необходимо также осмысление вопросов, требующих решения в этой новой обстановке.

Новый подход имеет огромную важность, так как терроризм — это лишь один из многих нетрадиционных вызовов в области безопасности. К примерам таких вызовов относятся межэтнические и межконфессиональные конфликты, незаконный оборот наркотиков, массовая миграция, экологическая нестабильность, коррупция, отмывание денег, воинственная политическая активность и похищение информации. Для таких угроз, при которых конфликт и преступность зачастую идут рука об руку, не существует границ. За частую при этом отсутствуют руководители, и крупные формирования, а поэтому не на ком концентрировать внимание и некому противодействовать. Более того, масштабы этой деятельности, как с точки зрения числа ее участников, так и направляемых туда финансовых средств, настолько велики, что подавляют национальные экономические показатели многих стран. Эти угрозы могут подрывать национальные и международные институты, а также разорять и работодателей, и трудящихся.

Одновременно с этим происходит усиление власти и влияния законных организаций, действующих вне границ и поэтому обладающих техническими возможностями для реагирования на новую обстановку. Валютные спекулянты, торговцы товарами, многонациональные корпорации и компании, представляющие доступ к Интернету, в настоящее время имеют большое влияние на нашу повседневную жизнь. Глобализация, в сочетании с революцией в информационной технологии, позволила этим частным институтам победить в этой борьбе. Управление в настоящее время идет по линии финансовых рынков, а не каких-либо четких geopolитических структур. Развал также происходит по той же линии. Поэтому, вероятно, не удивительно, что традиционные государственные механизмы, основанные на идеях границ и порядка — монархия, полиция, институты власти — оказываются под угрозой. Более важно то, что соз-

дается впечатление, что они в конституционном плане не способны противостоять меняющимся по своему характеру вызовам в области безопасности. По мере того, как это бессилие становится все более очевидным, растет и разочарование старой системой. И, по мере того, как этот цикл развивается сам по себе, усиливается и его негативный эффект.

До настоящего времени средство, которое обычно прописывалось при столкновении с этими вызовами, было основано на улучшении деятельности соответствующих официальных организаций под руководством разведки, в сочетании с усилением сотрудничества и партнерства между заинтересованными секторами. Последние события придали этому подходу дополнительный импульс. Однако, несмотря на позитивные сдвиги в этих областях, им не хватает ни глубины, ни скорости для противодействия усиливающимся вызовам. Например, правоохранительные органы отстают, по меньшей мере, на десятилетия в закупке и применении передовой технологии, которая уже есть у преступников нового века. При этом полицейским, работающим под руководством разведки, судя по всему, удается задерживать не более десяти процентов незаконных наркотиков или нелегальных мигрантов, прибывающих в страну. В результате этих недостатков реальная власть в настоящее время уходит от государства и институтов, таких как "большая восьмерка" (группа семи наиболее промышленно развитых стран и России) и Организации экономического сотрудничества и развития. Создается впечатление, что масштаб этих вопросов если и не приводит эти организации к бездействию, то подавляет их.

Стратегический подход

Хотя вопросы местного значения будут, скорее всего, и в будущем лежать в основе действий политиков, а коммерческий успех всегда будет результатом способности быстро реагировать на изменения рынка, часто упускается из вида важность крупных стратегических оценок обстановки. Это должно измениться по двум главным причинам. Во-первых, всепроникающий и зловредный характер новых вызовов в области безопасности имеет, по сути дела, всеобщий характер. При транснациональных атаках появляются транснациональные жертвы. Во-вторых, многие из этих вопросов взаимосвязаны. Сейчас уже невозможно отделять терроризм от отмывания денег или организованную преступность от незаконного оборота наркотиков. Аналогичным образом невозможно "вести войну" против одного и исключать при этом другое.

Миграция дает еще один пример такой взаимосвязи между разными вопросами. Беженцы и те, кто стремится получить убежище, не только создают проблемы в обеспечении внутренней безопасности, но могут быть причиной возникновения ксенофобии и конфликтов, так как создается впечатление, что под угрозой оказываются традиционно существующие возможности получения работы. В то же время массовое перемещение людей может принести с собой опасность инфекционных заболеваний людей и скота. Климатические изменения, ведущие к экологической нестабильности, также усиливают миграцию. Повышение уровня моря на один метр (за

Роберт Холл — руководитель проекта Глобального форума по правоохранительной деятельности и национальной безопасности и бывший руководитель аналитического отдела Национальной службы уголовной разведки (НСУР). Карл Фокс — главный аналитик НСУР.

последнее столетие этот уровень повысился примерно на одну треть метра) вызовет перемещение 300 млн. людей во всем мире и затопление соленой водой половины сельскохозяйственных угодий таких стран, как Бангладеш. Парадоксально, но многие страны тратят во много раз больше средств на создание физических барьеров на пути эмиграции, чем на создание фондов для содействия ликвидации причин миграции или вообще противодействия экологическому загрязнению. И, тем не менее, наши ответные меры по-прежнему имеют реактивный характер и отстают от развития событий. Они не имеют превентивного, опережающего характера, и будут оставаться таковыми, если мы по-прежнему будем исходить из традиционных представлений, придерживаться практики создания барьеров и принятия разовых решений.

Стратегическое мышление, необходимое для успешного противодействия этим взаимосвязанным вызовам в области безопасности, должно также исходить из взаимосвязей и иметь плюралистический характер. Такая работа должна начинаться с усиления сотрудничества между правоохранительными органами и ведомствами, обеспечивающими национальную безопасность. Для нее также требуется полномасштабное сотрудничество с центральным рядом других государственных ведомств, в том числе и военных, а также взаимодействие с деловыми кругами. Атаки в США усиливают необходимость применения интегрированного подхода с учетом дипломатических, военных и экономических аспектов. Подобный глобальный подход отражает характер и сложность проблемы, характерные для других проблем обеспечения международной безопасности. Хотя сотрудничество между различными организациями принесет плоды в конкретных условиях, теперь этого уже недостаточно ввиду огромных масштабов различных ведомств и институтов, существующей там бюрократии, их традиций и существования заинтересованных групп.

При создании эффективной стратегической основы для действий необходимо решить вопрос создания глобального органа управления. Во многих кругах эта тема непопулярна. Однако, судя по всему, чем больше политики будут отказываться заниматься этим вопросом, тем больше они будут утрачивать власть, тем больше будет расти нестабильность и тем более болезненным будет последующий переходный период. Хотя существует вполне естественная подозрительность в отношении любого наднационального органа, особенно невыборного, трудно не прийти к выводу о том, что в конце концов для реализации глобальной стратегии необходима какая-то форма глобального надзора. Это не то же самое, что глобальное правительство. В практическом плане речь идет о предоставлении ресурсов, структур и, прежде всего, власти глобальному институту для эффективного решения этой проблемы.

Лица террористов: теперь уже не деньги или организованную пр

Лица террористов: теперь уже невозможно отделять терроризм от отмывания денег или организованную преступность от наркобизнеса

Независимо от того, каким будет высший уровень предоставленной власти или в какой степени будет достигнута договоренность о сотрудничестве, для достижения положительных результатов при любом стратегическом подходе требуется нисходящий подход, предполагающий большую степень поддержки и подчинения со стороны тех, кто находится на нижних уровнях, во имя общего дела. Для этого требуется большое предвидение и единый план, направленный на достижение общей цели с учетом ограниченных ресурсов. При непосредственном выполнении такого плана могут учитываться особенностей конкретных обстоятельств и институтов, но только в рамках общего направления деятельности. Этот план должен опираться на власть и людей, осуществляющих за них надзор и обладающих возможностями принимать жесткие меры.

Нисходящий подход не означает, что мнение, высказываемое на нижних уровнях не учитывается. Напротив, информация, поступающая от самого широкого круга людей имеет огромное значение для насыщения плана реальным содержанием. Однако те, кто находится на нижних уровнях, не могут видеть общую картину событий в связи с условиями, в которых осуществляется их

© Reuters
деятельность, и могут не знать о более влиятельных факторах, воздействующих на ситуацию. Стратегия должна быть руководством при происходящих событиях и, что еще более важно, при событиях, которые могут произойти. Более того, в результате ограничений ресурсов часть такого руководства должна предусматривать четкое указание приоритетов, которые все должны соблюдать. К сожалению, следует отметить, что зачастую положения стратегических планов представляют собой простое изложение широких намерений с экстраполяцией текущих тенденций и повышением плановых показателей на 10, 20 или 30% на ближайшие пять, десять или пятнадцать лет. Эти плановые показатели затем воспроизводятся людьми

ми на более низких уровнях без реального понимания видов на будущее.

Одной из最难解决的问题是实现有效策略，即中心向重力的转移，从短期危机和每年的评价标准到长期目标的重新定义。这需要在更高的水平上讨论问题，并在更广泛的视野内进行。可能的话，应该达成共识，承认在短期评价标准下的不足，以换取长期利益。虽然股东们在困难时期可能会接受这样的提议，但政府和监管机构可能不会完全支持，特别是在考虑到曼达塔（Mandate）时，他被给予五年任期，而不是终身任期。因此，重要的是要有一个明智的预见，但在这种情况下，必须谨慎行事。

необходима и способность быстро маневрировать при непредвиденных ситуациях. Предвидение в политике основано на стратегическом понимании проблемы и планировании, а для этого требуются стратегическая высококачественная разведывательная информация.

Разведывательные структуры

Успех также зависит от наличия необходимых разведывательных структур. До настоящего времени существовала тенденция увековечивать органы разведки, которые создавались и развивались для борьбы с традиционными противниками. Поэтому прочно в силе остаются официальные границы между давно созданными империями. У таможни, полиции, самих разведывательных служб, важнейших государственных ведомств и военных – у всех них имеются свои собственные разведывательные или аналитические подразделения. При необходимости передать другим определенные виды информации все они в большой степени должны руководствоваться договоренностями на уровне служб или двусторонними соглашениями, а также решениями многочисленных совещаний и комитетов, задача которых демонстрировать достигнутый уровень координации и консенсуса. Большой частью эта система функционирует, однако она не дает необходимого ответа на вопросы, возникающие в современной обстановке в области обеспечения безопасности.

Решение этой проблемы возможно посредством выхода за пределы координации и формирования консенсуса и введения в процесс принятия решений контролирующего центрального органа. Другими словами, может потребоваться приданье исполнительной власти совместному органу, который будет получать коллективные разведывательные данные, определять коллективные ответные меры и затем направлять работу различных ведомств для реализации конкретных и скоординированных действий. Порядок действий подчиненных ведомств будет определяться на индивидуальной основе в рамках согласованного стратегического подхода. Для содействия в развитии этого процесса уже предлагались различные модели, однако для всеобщего признания и создания необходимых условий для их осуществления им не хватало широкой поддержки и опоры на требования рынка.

Идея централизма отвергается организациями с традиционной структурой управления, тщательно оберегающими свою независимость. Боязнь централизма уже не позволила принять предложение бывшей администрации США о слиянии Федерального бюро расследований, Администрации по борьбе с наркотиками и Бюро по вопросам алкогольных напитков, табака и стрелкового оружия в один орган для решения серьезных вопросов современной уголовной преступности. Идея, выдвинутая в 1999 г. Францией и Германией о создании разведывательного органа ЕС была также быстро отвергнута другими странами. В то же время широко признано, что и Европол, и Интерпол вносят большой и ценный вклад в борьбу с преступностью, поэтому в последнее время предпринимаются усилия по укреплению Европола в целях борьбы с терроризмом. Однако в настоящее время работе Европола мешают ограничения масштабов и ценности информации, предоставляемой странами, широкие правовые параметры и ограниченные ресурсы. Несмотря на все попытки, предпринимаемые во многих областях, прогресс в области централизации сбора информации и проведения операций либо идет медленно, либо отсутствует вообще.

Разведывательные данные по сравнению с доказательствами

По мере увеличения разнообразия и всеобщности характера угроз, требующих противодействия всех ве-

домств, в самые трудные моменты будет возникать главная дилемма противопоставления разведывательных данных и доказательств. Определенные типы угроз, как представляется, основываются на использовании антипатии, существующей между правоохранительными органами и службами национальной безопасности. В то время как первые занимаются сбором доказательств и их хранением, вторые занимаются сбором разведывательных данных и их анализом. В результате этого правоохранительные органы, как правило, имеют более открытый характер и в большей степени следят за соблюдением гражданских свобод по сравнению со своими коллегами из служб национальной безопасности.

Все эти тонкости и расхождения в области юрисдикции мешают реагировать на определенные виды атак, особенно тогда, когда преступник неизвестен. Для полицейского преступника, виновный в распространении компьютерного вируса должен быть задержан, а полученные при этом данные служат доказательствами, которые необходимо использовать в суде. Однако для специалиста по борьбе с терроризмом главное – остановить нападение или смягчить его последствия, а арест для него уже нечто второстепенное. К сожалению, например, в кибернетическом мире суть дела можно выяснить только после начала расследования, однако скорость принятия ответных мер имеет важнейшее значение в предотвращении катастрофы. Эти две первостепенные задачи, которые иногда исключают друг друга, можно решить только двумя способами. Первое – создать организацию, имеющую полномочия правоохранительного органа, но при этом обладающую потенциалом как в области правоохранительной деятельности, так и в области обеспечения национальной безопасности. Другой способ предполагает четкий пересмотр сферы полномочий, позволяющий устранить функциональные барьеры.

Сбои в работе разведывательных органов, позволившие осуществить террористические атаки на США, несомненно, приведут к значительной "перетряске" правоохранительных органов и ведомств, ответственных за обеспечение национальной безопасности США. При ежегодном бюджете на нужды разведки в размере 30 млрд. долл. США и экономической стоимости провала, произошедшего 11 сентября, во много раз превышающего эту сумму, стимул для улучшения работы в будущем огромен. Необходимость улучшения процесса получения разведывательных данных из людских источников, несомненно, будет важнейшим элементом при любом анализе. Однако, при этом существует огромный объем данных, которые можно получить из открытой литературы и из источников в частном секторе. Журналисты и деловые люди работают во многих областях, где существуют проблемы, и обладают огромной фоновой информацией, которой они могут делиться, так как занимаются вопросами безопасности на повседневной основе. При решении глобальной проблемы распределение времени и задач в области разведки так же существенно, как и в других законных видах деятельности.

Частный сектор

Не вызывает сомнения, что правительство, борясь с растущими угрозами в области безопасности, понимает, что важнейшей составной частью такой деятельности является привлечение к решению этой проблемы частного сектора. На самом простом уровне это можно показать на примере портов, где транспортные компании подвергаются штрафам, если ими соответствующим образом не контролируется несанкционированное передвижение персонала. Другим примером являются шаги по побуждению компаний, предоставляющих доступ к Интернету, заниматься сбором статистических и архивных данных для содействия в получении доказательств.

Такие шаги по пути к партнерству вполне понятны, но до сих пор акцент делался в основном на ожидания правительства, что деловые круги будут рассматривать такое партнерство как часть корпоративного управления. Однако, как представляется, до настоящего времени отсутствует глубокое понимание потребностей деловых кругов. Правда, это положение начинает меняться в связи с быстрым развитием электронной коммерции, необходимостью обеспечения информационной безопасности, а также, после 11 сентября, пониманием того, что подобные сбои тяжело сказываются на многих экономических системах.

Крупные компании могут предложить очень многое в этой области, так как они работают за пределами государственных границ, относительно хорошо умеют защищать интеллектуальную собственность и обычно пользуются новейшими технологиями. У них также имеются ресурсы. Однако необходимо, чтобы они стали надлежащей частью двустороннего потока информации и процесса стратегического планирования. Автоматически выдвигаемые требования предоставлять информацию, причем и такую, которая имеет значение для коммерческой деятельности, не будут способствовать их участию в этом деле. Недоверие, проявляемое ими при обмене информации с правоохранительным сообществом, которое свято верит в свое право преследовать преступников при любых условиях, опять не позволит открыть двери там, где это так важно.

При встречах между представителями большого бизнеса и правительства для обсуждения вопросов национальной безопасности и правопорядка, может возникать неправильное понимание намерений сторон, особенно у групп активистов. Поэтому очень важно тщательно разъяснять цель этих отношений и наглядно показывать значимость результатов обмена стратегической информации для местной общественности. В конечном счете, действия против выращивания наркотиков в Колумбии или борьба с теми, кто занимается контрабандой людей в Албании, могут дать значительно больший эффект, чем появление большего числа полицейских на улицах провинциальных городов. И, несомненно, в доказательстве этого главная роль принадлежит прежде всего политикам.

Для противодействия растущему числу вызовов в области безопасности в новом тысячелетии недостаточно по-прежнему придерживаться старой политики и практики. Проблемы стали слишком сложными в политическом плане, слишком взаимосвязанными в тематическом отношении и вызывают слишком большие издержки в экономике. Мало благих намерений развивать тесное сотрудничество и обмен информацией (особенно в связи с огромной трагедией), да и невозможно их осуществлять в течение долгого времени. Необходима неограниченная, всеобъемлющая, транснациональная стратегия, позволяющая концентрировать внимание всех не только на ближайших задачах, но и, прежде всего, на будущих. Прогнозирование будущего всегда будет связано со ошибками, однако это не причина игнорировать отчетливые тенденции и события в быстро меняющемся мире. Тем более недопустимо пытаться следовать отдельным направлениям политики, надеясь, что события сами по себе закончатся.

То, что для активизации действий всего мира в решении этой проблемы должны были произойти события 11 сентября, является трагедией вдвое. Тем более, что проблема эта не новая, она симптоматична для опасностей, исходящих от современных негосударственных структур и неспособности государств надлежащим образом защитить себя. Необходимость сдвига центра тяжести от танков и шумихи в сторону наблюдения и тайных методов будет иметь значительные последствия, причем не только для сектора традиционных вооружений. Международная безопасность вступила в новую эру.

Глобальный форум по правоохранительной деятельности и национальной безопасности

Генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон выступил с основным докладом на учредительном заседании ежегодного Форума по правоохранительной деятельности и национальной безопасности, которое состоялось в Эдинбурге (Шотландия) в июне 2001 г. В своем выступлении, передаваемом в видеозаписи, лорд Робертсон отметил прошедшее стирание граней между деятельностью тех, кто обеспечивает военную безопасность, и работой полицейских. Он призвал всех, кто работает в этих двух сферах, использовать новые подходы к решению проблем современного общества и подчеркнул необходимость увеличения государственных расходов на оплату их труда.

При создании Глобального форума по правоохранительной деятельности и национальной безопасности были поставлены следующие три задачи: проводить обсуждение и анализ главных вопросов, которые будут влиять на безопасность в ближайшие два десятилетия; содействовать связям между правоохранительными ведомствами и агентствами национальной безопасности всего мира для достижения общих целей в борьбе с угрозами, приобретающими все более транснациональный характер; создавать возможности для обмена идеями между государственным и частным секторами и предложений совместных решений при противостоянии вызовам в области безопасности.

На учредительном заседании Глобального форума были приняты четыре важнейшие рекомендации: необходимо повышать степень осознания современных угроз; требуется усилить значимость стратегического подхода; необходимо инвестировать в глобальные институты; важно развивать сотрудничество, в частности, между государственным и частным секторами. Второе заседание Глобального форума по теме «Управление в области обеспечения безопасности для противостояния новым вызовам – создание партнерских отношений, поиск решений» состоится в июне 2002 г. в Лондоне.

Дополнительную информацию можно получить на сайте по адресу: www.lensforum.com

Бороться с терроризмом

Фрэнк Дж. Киллумфо и Даниэль Ранкин призывают к принятию гибкой, всеобъемлющей и скоординированной стратегии в борьбе с терроризмом.

© Reuters

Тревога – сибирская язва. События 11 сентября и последующие атаки с применением штаммов сибирской язвы показали необходимость уделять больше внимания угрозе терроризма

События, произошедшие 11 сентября, преобразили Америку, настроения американцев и весь мир, в котором мы живем. США не могут больше полагаться на защиту двух океанов, которые исторически служили щитом для их страны и народа. Террористические атаки заставили понять всех, что после окончания "холодной войны" характер угроз стал более сложным и широкомасштабным. Вместо противостояния одной, преимущественно военной угрозе, способной привести к уничтожению целого государства (или даже всего мира), мы сталкиваемся с несметным числом угроз, которые меньше по своей величине и труднее поддаются определению и противодействию. Так как по своему характеру эти новые угрозы динамичны, размыты и подвижны, усилия по борьбе с ними должны быть гибкими, всеобъемлющими и скоординированными.

Фрэнк Дж. Киллумфо до недавнего времени был председателем двух комитетов – по внутренней обороне и контролю терроризму – в Центре стратегических и международных исследований (ЦСМИ). За время после написания этой статьи он стал специальным помощником президента Буша по вопросам внутренней безопасности.

Даниэль Ранкин – специалист по вопросам обороны и национальной безопасности ЦСМИ.

Терроризм не является порождением одной страны, одной религии или даже одной группы людей, он возникает в сетях, которые охватывают весь мир с востока на запад и с севера на юг независимо от государственных границ. Это транснациональная угроза, для борьбы с которой требуются транснациональные меры. Хотя атаки на Пентагон и Всемирный торговый центр были совершены на территории США, их отзвуки продолжают слышаться по всему миру. Как же бороться с этим? Как надо действовать Соединенным Штатам, чтобы защитить себя, свои интересы и своих союзников? Каковы должны быть наши цели в ближайшей перспективе? Каковыми должны быть они в более далекой перспективе?

Противодействие должно быть глобальным. Организация, сотрудничество и координация – вот ключевые факторы решения этой проблемы. На начальном этапе необходимо рассмотреть пути определения наших ответных мер, а затем сосредоточить усилия на объединении ресурсов всего мира для последовательного глобального противодействия. Более того, для обеспечения эффективности наших усилий многие из них должны проводиться с участием других государств и организаций. Взаимодействие с этими государствами имеет важнейшее значение для антитеррористической и контртеррористической деятельности, при которой сотрудничество и взаимопонимание являются главными факторами ус-

пеха. Самым важное, что такое сотрудничество дает свои плоды. Например, власти Иордании во время празднования нового тысячелетия помогли сохранить жизнь огромному числу американцев, предотвратив запланированные нападения на американцев и других туристов на Ближнем Востоке.

Несмотря на то, что главное внимание в настоящее время уделяется негосударственным структурам, важно не упускать из вида также государственные структуры и организации и группы людей, пользующиеся поддержкой государства. Это необходимо потому, что они все еще представляют собой угрозу, могут делиться информацией, технологиями и ресурсами с негосударственными структурами. Более того, в последнем докладе по вопросам биологического оружия Национального совета по разведке отмечалось, что по имеющейся информации более десяти государств обладают или активно стремятся к обладанию наступательным биологическим потенциалом. Наверное, неудивительно, что в этом списке указано большинство так называемых "государств-изгоев".

Довольно трудно обобщать вопросы намерений, разработки или возможного применения или доставки оружия массового поражения (ОМП) государствами, так как в разных государствах они решаются по-разному. Хотя и верно, что государства по сравнению с негосударственными структурами имеют больше ресурсов для разработки такого оружия, использование ими этого оружия в определенной степени сдерживается возможностью возмездия и ответного удара. Это, как правило, неприменимо к негосударственным структурам.

Тerrorизм традиционно используется в качестве политической тактики теми, кто хочет запугиванием занять свое место за столом переговоров. Это недорогой, но эффективный способ, позволявший малым государствам, субгосударственным группам и даже отдельным лицам обходить традиционные способы воздействия с использованием государственной мощи. Однако некоторые из современных организаций, мотивирующих свою деятельность радикальными, религиозными или националистическими убеждениями, уже не стремятся к получению места за столом, а предпочитают взорвать его и затем создать нечто вместо него. Хорошим примером этого служат Осама бен Ладен и его организация "Аль-Каида". По сути дела, бен Ладен – руководитель и финансовый директор радикальной террористической организации, не имеющей жесткой структуры. Эти террористы делятся друг с другом ресурсами, средствами и специальными знаниями, могут объединяться для проведения операции, а затем распадаться. "Аль-Каида" – это просто самая заметная голова гидры.

С годами террористы достигли большого совершенства в применении обычных средств поражения, таких как взрывчатые вещества и стрелковое оружие, которые они используют с максимальными результатами. Эти средства были и будут оставаться их предпочтительным оружием. Оно дешевое, легко доступное и простое в обращении, не требует большого научного потенциала для производства или применения, не привлекает к себе внимания, и от него очень трудно защищаться. Более того, террористы становятся все более изощренными в своих методах применения такого оружия, а сами эти методы стали еще более смертоносными.

Тerrorисты также проявляют повышенный интерес к овладению оружием массового поражения и его применению. Более того, бен Ладен во всеуслышание заявил, что приобретение этого оружия рассматривается им как религиозный долг. Применение химического оружия может иметь катастрофические результаты, однако оно имеет свои ограничения. Химическое отравляющее ве-

щество обладает немедленным поражающим действием, однако, при быстром применении антидотов жертвы нападения поддаются лечению. Применение радиологического или ядерного оружия террористами менее вероятно. Процесс научных исследований, разработок и принятия на вооружение этого оружия негосударственными структурами крайне сложен. Требуемые для этого объекты инфраструктуры трудно скрывать или перемещать, особенно для негосударственных структур – существуют многочисленные способы выявления разработки такого оружия с применением существующих методов и технологий. Опасность заключается в том, что террористы могут получить такие материалы или оружие от сочувствующего им государства, могут похитить их на плохо охраняемом объекте или даже купить у обиженного или низко оплачиваемого караульного или ученого.

Наибольшее беспокойство вызывает биологическое оружие. Существует большое различие между биологической и другими угрозами, потому что после биологической атаки требуется некоторое время для определения того, когда, где и как применялось биологическое оружие. Дополнительная сложность, связанная с биологической угрозой, заключается в том, что многие возбудители болезней обладают повышенной инфекционностью, например, возбудители оспы или чумы, что экспоненциально усиливает начальный эффект при распространении такой болезни среди населения. Эти "молчаливые убийцы" незаметны, они ничем не проявляют себя до появления симптомов, а их симптомы обычно появляются спустя длительное время после заражения. Такая неопределенность, в отличие от взрыва бомбы, имеющего заметный, но ограниченный эффект, может вызывать значительную панику и паранойю в дополнение к человеческим жертвам. Проблема подобных возбудителей болезней наглядно показывает важность создания системы, которая не только обеспечивала бы различные варианты противодействия одной угрозе, но также давала бы средства для борьбы с различными возможными угрозами. Так как угрозы имеют многоплановый характер, то и оборона должна быть такой же.

Сценарий кошмара – применение террористической организаций комбинированных атак или совместные действия государства и негосударственной структуры. В таком случае возможно применение токсина в торговом центре в сочетании со взрывом на электростанции, в результате чего целый район отключается от энергоснабжения, и при этом проводится компьютерный взлом системы телефонной связи, чтобы парализовать связь. Возможность сочетания высокотехнологичных и низкотехнологичных методов весьма опасна, при этом палец бен Ладена может быть на спусковом крючке автомата Калашникова, а палец его племянника – на кнопке компьютерной мыши. Этот простой, но ужасающий пример показывает необходимость применения интегрированного, всеобъемлющего подхода, а не попыток простой изоляции одной угрозы и противодействия ей.

События 11 сентября и последующие атаки с применением штаммов сибирской язвы показали, что, в дополнение к проявлению бдительности на традиционных фронтах, необходимо уделять больше внимания борьбе с террористической угрозой и выделять на эти цели больше средств. До 11 сентября отсутствовало единство во мнениях относительно того, что представляет собой первостепенную угрозу Соединенным Штатам. Некоторые думали, что это террористические атаки на военные объекты США за границей. Другие считали, что это расцвет Китая. Были мнения о том, что это угроза нападения Северной Кореи на Южную Корею, а также пуск "государством-изгоя" ракеты для удара по США. Даже теперь, когда все согласны, что

главная угроза — это терроризм, по-прежнему имеются расхождения во мнениях относительно формы, которую он может принимать. Население преимущественно озабочено биологическими атаками, особенно с использованием штаммов сибирской язвы. В результате этой озабоченности и того, что служащие Конгресса США оказались жертвами таких атак, Конгресс сосредоточил свое внимание на биологических поражающих средствах. Пентагон, напротив, преимущественно беспокоится о защите своего личного состава заграницей и возможном нападении с применением межконтинентальных баллистических ракет. Несмотря на такие различия в восприятии событий, важно не сосредотачивать свое внимание лишь на одном аспекте проблемы за счет потенциала в других аспектах, и, соответственно, не вызывать на себя атаки в тех областях, в которых мы меньше всего к ним готовы.

При продвижении вперед важно найти ответы на целый ряд трудных вопросов. Достаточно ли наших существующих структур, направлений политики и институтов? Что уже сделано правильно и что требует улучшения? Настало время для трезвой оценки и критического анализа текущих подходов, когда будут рассмотрены и определены методы, дающие результаты и те, что утратили свою эффективность, а также вопросы, которым не уделялось достаточного внимания. Только тогда можно будет перейти к следующему шагу в создании эффективной стратегии контртерроризма.

Терроризм с применением ОМП является параллельно направленным явлением, в то время как органы государственной власти организованы вертикально. Ясно, что органам власти необходимо провести адаптацию, чтобы быть в состоянии справляться с бесчисленными многоплановыми вопросами, которые ставят терроризм с применением ОМП, и направлять их решение. Здесь не обойтись "заделыванием дыр". Эффективная организация — это понятие, которое является не только стержнем всеобъемлющей национальной стратегии контртерроризма, но и пронизывает ее насквозь — от самого начала (имеются в виду превентивные меры до атак, меры упреждения и подготовки) до конца (имеется в виду антикризисное регулирование и ликвидация последствий после атаки, а также противодействие). В настоящее время искусственно различают понятия антикризисного регулирования и ликвидации последствий. На практике такое различие оказалось неэффективным. Антикризисное регулирование (немедленные ответные меры и задержание преступников) и ликвидация последствий (лечение массовых заболеваний и восстановление важнейших служб) происходит одновременно, и так их надо и рассматривать.

Нашу концепцию планирования национальной безопасности необходимо расширить и включить в нее аспекты контрмер против терроризма с применением ОМП и защиты важнейших объектов инфраструктуры, таких как объекты связи, системы снабжения электроэнергией, нефтегазовой промышленности, банковских и финансовых структур, транспорта, водоснабжения, государственных служб и служб оказания срочной помощи. Необходимо признать, что эта стратегическая задача уже перестала быть прерогативой лишь одного федерального ведомства, что обеспечение национальной безопасности теперь не может быть исключительной ответственностью тех ведомств, которым она традиционно была поручена. Необходимо ввести сюда новых «игроков», в том числе службы здравоохранения и гуманитарной помощи, государственные и местные органы власти, а также част-

ный сектор. Необходимо объединить и использовать все имеющиеся средства. В настоящее время, однако, многие ведомства действуют независимо друг от друга. Это создает частичное совпадение обязанностей и неразбериху в сфере их полномочий, дублирование ресурсов, несовместимость систем и разбазаривание финансовых средств, кроме того в результате этого беспринципно повышается общий риск. Многие государственные и местные органы власти, а также федеральные ведомства добились прогресса в подготовке к противодействию террористическим атакам. Однако им не хватает слаженности в действиях. Нам необходимо опираться на эти уже имеющиеся примеры образцовой работы и использовать их при разработке последовательной и всеобъемлющей национальной стратегии. Показательным в этом отношении является обращение, с которым выступил президент Джордж Буш еще до событий 11 сентября в адрес вице-президента Дика Чейни с предложением разработать общенациональный план и создать Управление национальной готовности. Более того, это получило дальнейшее развитие с созданием Управления внутренней безопасности США под руководством бывшего губернатора шт. Пенсильвания Тома Риджа.

В этой работе необходимо использовать все силы и средства. Представители санитарных, медицинских и гуманитарных служб особенно критически выступают по вопросам готовности к действиям при биотerrorизме и

противодействия ему. Проявление симптомов после применения биологических поражающих средств наступает через несколько дней, а иногда и недель после заражения. В этом случае первым, кто скорее всего столкнется с такими симптомами, кто окажется на самом острье этого оружия, будет врач-терапевт, санитарный врач, ветеринар, инспектор сельскохозяйственного ведомства, патолог или даже, может быть, энтомолог. И здесь необходимость в эффективной организации вступает в заметное противоречие с существующим положением дел. Несмотря на это, меры, принятые

при атаках с использованием штаммов сибирской язвы, заслуживают восхищения. Они ярко продемонстрировали необходимость привлечения новых участников к решению этой проблемы и позволили своевременно извлечь уроки о том, как повысить степень противодействия.

Очевидно, наиболее важным средством контртерроризма является разведка. Точная и своевременная информация в сочетании с надлежащим анализом является залогом успеха кампаний против терроризма. Любой аспект кампании, начиная с дипломатических, военных, финансовых и политических операций и вплоть до предупреждений о будущих атаках, в основном, опирается на наши разведданные. Говоря более конкретно, масштабность, глубина и неопределенность террористической угрозы требует значительных инвестиций, координации и перенастройки разведывательного процесса во всех его аспектах для участия в фазах до атаки (предупреждение), в ходе атаки (упреждение) и после атаки (поиск виновных). Для определения признаков возможной атаки и получения предупреждения о ней важнейшее значение имеет межведомственный подход к сбору разведывательных данных, при этом необходимо понимание культурных особенностей и мышления членов террористических организаций, а также выявление важнейших слабых мест, которые можно затем использовать и оказывать воздействие для предотвращения, упреждения и нарушения террористической деятельности. До настоящего времени большая часть оперативных разведывательных данных контртерро-

В то время как бен Ладен
держит палец на спусковом
крючке автомата
Калашникова, палец его
племянника может быть на
кнопке компьютерной мыши.

ристического характера представлялась лицам, ответственным за принятие решений, электронной разведкой. Хотя мощный технический разведывательный потенциал важен, тем более важным является повышение нашего потенциала в области сбора разведанных людьми. США необходимо усилить партнерские отношения в этой сфере с иностранными службами разведки.

Хотя прямые переговоры с экстремистами, такими как бен Ладен, невозможны, дипломатия все же играет важную роль в борьбе с терроризмом. Сдвиг от политического терроризма к терроризму, основанному на идеологии, означает, что значительно большее число стран становится прямой мишенью при эскалации террористических актов. В результате у многих стран появился особый интерес к изучению вопросов терроризма. Более того, многие уже обладают большими знаниями и опытом по этому вопросу, которые необходимо использовать США. Совместное преследование общих интересов является отличительной чертой хорошей дипломатии и зачастую ведет к дальнейшему сотрудничеству по другим вопросам.

Всеобъемлющая контртеррористическая стратегия должна включать в себя весь спектр деятельности, от предупреждения и сдерживания, возмездия и преследования до готовности к ответным действиям на внутреннем уровне. Однако зачастую эти элементы стратегии рассматриваются изолированно. Такая стратегия должна включать в себя объединение внутренних ресурсов и взаимодействие с международными союзниками, их силами и средствами. Кроме того, требуется контроль и проверка (сопоставление на основе эталонов) эффективности многочисленных программ, на основе которых осуществляется эта стратегия с тем, чтобы разработать общие нормы, практику и процедуры.

Завершенная стратегия борьбы против терроризма с использованием ОМП предполагает как предотвращение нападения (включая сдерживание, нераспространение, борьбу с распространением и упреждение), так и подготовку сил и средств на уровне федерального государства, штата, местных органов власти, частного сектора и не-правительственных организаций к ликвидации последствий такого нападения. Короче говоря, наши контртеррористические силы, средства и организации должны укрепляться, оптимизироваться и затем взаимно усиливать друг друга с тем, чтобы эффективная превентивная деятельность повышала уровень готовности к действиям на внутреннем уровне и наоборот.

При проведении подобных анализа, оценки и разработки национальной стратегии необходимо рассматривать все возможности. Мы не можем защитить себя от всего, везде, постоянно, от любого противника и от любой формы нападения. Нам необходимо определить приоритетность задач с пониманием того, что при этом будут оставаться области уязвимости. Нам необходимо принять факт существования таких областей, сводить их к минимуму и не допускать, чтобы они мешали нашей работе. При этом станет ясно, что такого рода вклад в это дело дает благоприятные вторичные и третичные результаты. Большая часть перемен, проводимых в наших структурах для улучшения организации, сотрудничества и координации будет иметь общее положительное влияние, выходящее за рамки предотвращения нападения с применением ОМП. Усиление способности бороться с чрезвычайными и, особенно, катастрофическими ситуациями дает нам средства и потенциал, которые будут также важны при ликвидации последствий "обычных" ситуаций, таких как стихийные бедствия. Превентивные меры, направленные на противодействие кошмарным сценариям, также имеют практические, повседневные функции и выгоды.

В федеральных органах власти необходимо создавать надежные каналы для внутри- и межведомственной координации и сотрудничества в контртеррористических целях. У многих ведомств недостаточно опыта совместной работы (например, у разведывательного сообщества и министерства обороны, министерства юстиции, медицинских и гуманитарных служб, министерства сельского хозяйства и министерства энергетики, а также Федерального агентства по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и Национального института здравоохранения). Нам, безусловно, необходимо обеспечить более высокий уровень партнерства между Федеральным агентством по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и медицинскими и гуманитарными службами. Такое партнерство способно резко оживить сектор здравоохранения и медицинской помощи в борьбе с биотerrorизмом. Более того, необходимо уделить особое внимание частному сектору, специальные знания которого в коммерческом, фармацевтическом и биотехнологическом секторах еще предстоит на настоящему взять на вооружение.

США необходимо создать интегрированный потенциал наращивания средств всей системы здравоохранения. Нам необходимо сначала определить все существующие силы и средства, а также пути их мобилизации. Затем потребуется разработать стратегию с тем, чтобы резко усилить деятельность по предоставлению медицинской помощи на региональном и национальном уровнях. В дополнение к этому, нам необходимо обратиться к медикам на международном уровне для координации усилий, создания потенциала глобального эпидемиологического наблюдения и мониторинга, обладающего средствами немедленного реагирования на кризис. Глобальный мониторинг инфекционных заболеваний помогает накапливать специальные знания и проводить научные исследования, он также может обеспечивать раннее оповещение о биотerrorистическом акте. Это еще один пример того, как усиление средств для достижения ближайших целей упрощения международной и национальной безопасности приносит затем вторичные и третичные выгоды.

Проблема биологических поражающих средств также ясно показывает, почему политическая прозорливость имеет такое большое значение. Многие биологические и химические средства поражения могут разрабатываться в тайне, что создает большие трудности при выявлении подобных программ и/или случаев приобретения биологических или химических поражающих средств, как это показывает пример Ирака. К тому же, учитывая, что большая часть биотехнологических исследований и разработок имеет характер двойного применения, имеется возможность завуалировать усилия по приобретению наступательных биологических поражающих средств причинами проведения законных научных исследований. Существует также значительная опасность хищения в России или предоставления террористам различными странами информации, технологий или материалов.

Эта задача огромна и требует усилий по многим направлениям: в правоохранительной, военной, разведывательной, финансовой, дипломатической деятельности, в области внутренней обороны и здравоохранения. Такие усилия требуют большого искусства управления государством, они должны объединять максимально широкую международную коалицию и мобилизовать все имеющиеся ресурсы для противостояния этому вызову. Мы не можем отступать в связи с его масштабами. Мы можем и должны преодолеть его.

 Аналитические материалы ЦСМИ по вопросам террористической угрозы и противодействия ей, в том числе подробное описание учения, моделирующего последствия биотerrorистического нападения на США, имеются на Интернете по адресу: www.csis.org

Противостоять угрозе из виртуального пространства

Тимоти Шимилл, Фил Уильямс и Кейси Данлеви доказывают, что в военное планирование необходимо ввести элемент виртуального мира, чтобы ограничить физический ущерб в мире реальном.

Для многих термин "кибернетическая война" вызывает образы разрушительных зловредных программ, вызывающих паралич компьютерных систем, сбои в системах оружия, подрыв хваленого технологического превосходства и достижение победы без кровопролития. Эта картина, в которой кибернетическое противоборство изолировано от более широкого конфликта и ведется в сфере, совершенно отличающейся от традиционных военных действий, выступая в качестве бескровной альтернативы опасностям и издержкам современных приемов ведения войны, имеет свою привлекательность, но она не реалистична. Такой сценарий нельзя исключить полностью, однако он мало вероятен. Кибернетическое противоборство почти неизбежно будет иметь реальные физические последствия.

По мере того как компьютерная технология во все большей степени становится частью средств современных вооруженных сил, разработчики военных планов начинают рассматривать ее как цель поражения и как оружие, аналогично другим военным силам и средствам. Подобно другим составным частям современных вооруженных сил, действия кибернетических сил будут, скорее всего, интегрированы в общую военную стратегию как часть действий общевойсковых сил. При этом отличие компьютерной технологии от других военных средств заключается в том, что она входит в состав всех других сил и средств современных армий. С этой точки зрения такая технология образует важнейший компонент, от которого зависит жизнедеятельность многих современных вооруженных сил, и эту зависимость могут использовать потенциальные противники.

Страны всего мира разрабатывают и применяют стратегии кибернетического воздействия на структуру командования и управления войсками противника, его тылом, транспортом, ранним оповещением и другими важнейшими видами военной деятельности. В дополнение к этому в государствах все больше понимают, что кибернетическая стратегия может выступать в качестве главного фактора, повышающего боеспособность войск и выравнивающего их боевые возможности. Малые страны, которые ранее не могли соперничать в обычном военном смысле со своими более крупными соседями, в настоящее время способны создавать силы и средства, которые при прави-

льном их применении могут дать им стратегическое преимущество. Как отмечалось в исследовании, проведенном "РЭНД Корпорэйшн" в середине девяностых годов, начальные затраты на ведение кибернетической войны крайне малы. Поэтому неудивительно, что страны, где опора вооруженных сил на высокотехнологичные средства невелика, рассматривают подобную зависимость как возможную "ахиллесову пяту" своих противников.

Передовые постиндустриальные социальные и экономические системы в огромной степени зависят от взаимо связанных компьютерных систем информации и связи. Сама их сложность уже стала формой уязвимости, которую могут использовать противники. Привлекательным вариантом для стран и негосударственных структур, не имеющих потенциала для соперничества на традиционном поле боя и стремящихся к ведению асимметричных боевых действий, выступает нарушение работы гражданской инфраструктуры. Более того, информационные инфраструктуры имеют такую важность, что все большее число стран рассматривает атаку на них как эквивалент стратегического удара. Традиционные грани между войной и миром оказались размытыми. Такая тенденция зародилась еще во времена "холодной войны", однако сейчас, во время борьбы против терроризма, развернутой после нападений, совершенных 11 сентября на Всемирный торговый центр и Пентагон, она стала еще более очевидной. Это показывает, что автоматизированные информационные системы государств-членов НАТО, вероятно, будут и в будущем постоянными целями атак нетрадиционного противника, главной задачей которого будет физическое уничтожение и разрушение объектов, при которых он будет стремиться использовать любую форму их уязвимости.

В этой связи следует отметить, что кибернетические боевые действия – это не «вскрытие» веб-сайтов соперников – государства, организации или политического движения. Такие атаки на веб-сайты, даже если они проводятся во время напряженности или боевых действий (как это было во время воздушной кампании НАТО в Косово в 1999 г.), следует понимать как вид беспокоящих действий или способ привлечения общественного внимания, но не как кибернетические боевые действия. Тем не менее, существует несколько уровней кибернетических военных действий, из которых можно выделить три: кибернетические боевые действия как дополнение к другим боевым действиям; ограниченные кибернетические военные действия и неограниченные кибернетические военные действия.

Одной из главных задач современных вооруженных сил при ведении военных действий является обеспечение информационного превосходства или информационного господства в пространстве действий войск (сил). Это требует подавления ПВО противника, блокирования и/или уничтожения радаров и т.п. Целью таких действий,

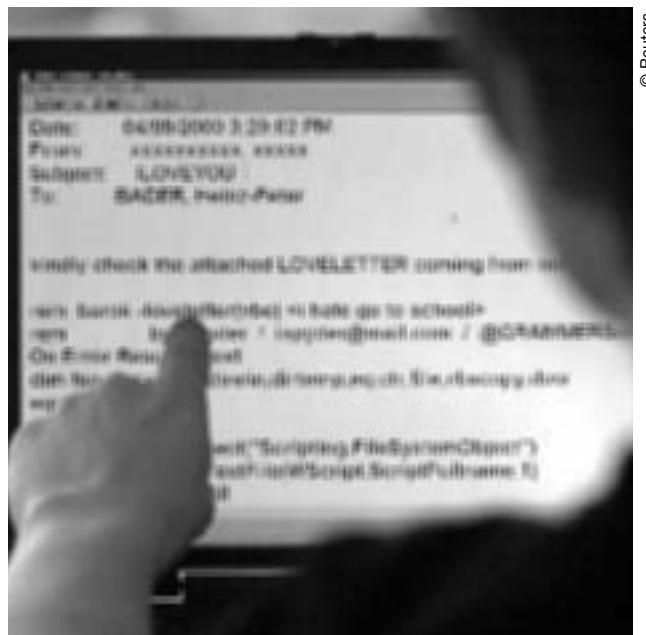
Тимоти Шимилл – главный аналитик Аналитического центра "СЕРТ" университета Карнеги Меллон (Питтсбург, шт. Пенсильвания), сфера интересов которого – кибернетическая война и кибернетический терроризм. Фил Уильямс – бывший стажер в НАТО, преподаватель университета Питтсбурга и ученик-стажер аналитического центра "СЕРТ". Кейси Данлеви – бывший аналитик разведданных, возглавляющий Аналитический центр "СЕРТ".

используя термин Клаузевица, является сгустить "туман войны" для противника и рассеять его для собственных войск. Решение подобных задач возможно путем прямых военных ударов, направленных на снижение эффективности работы систем связи и обработки информации противника или посредством атаки на системы изнутри, достигая тем самым не отказа в предоставлении необходимых услуг, а отказа в самих боевых возможностях. По сути дела, при такой форме кибернетических боевых действий основное внимание уделяется почти исключительно военным кибернетическим целям поражения.

При ограниченных кибернетических военных действиях информационная инфраструктура является средством, целью и орудием нападения. При этом в ходе нападения действия, реализуемые в реальном мире, минимальны или практически отсутствуют. В качестве средства нападения информационная структура образует вектор, посредством которого атака достигает цели – зачастую по соединительным каналам между противником и его союзниками, использующими соединения для обмена ресурсами или данными, или посредством подсоединений к глобальным сетям. В другом случае возможно использование агента в рядах противника для непосредственного внедрения в сеть противника вредоносной программы.

В качестве цели поражения информационная инфраструктура представляет собой средство, позволяющее понижать эффективность действий противника. Сети облегчают решение организационных задач. Ухудшение работоспособности сети понижает или предотвращает возможность использования режимов работы, зависящих от ее работы. Понижение уровня обслуживания в сети может вынудить противника при некоторых режимах работы перейти на использование резервных средств, что может выявить еще одну форму его уязвимости. Ухудшение качества данных в сети может даже вынудить противника усомниться в качестве информации, имеющейся для принятия решений. В качестве орудия нападения можно использовать инфраструктуру для нанесения удара по самой себе – либо посредством внедрения многочисленных компонентов вредоносных программ, либо путем преднамеренных действий, использующих слабости системы. Задачей таких ограниченных кибернетических военных действий может быть замедление подготовки противника к военному вмешательству в качестве составной части экономического противоборства или же маневрирования, которыми обычно сопровождается состояние кризиса или конфронтации между государствами.

Более серьезным и, очевидно, более вероятным видом противоборства, чем ограниченные кибернетические военные действия, являются так называемые неограниченные кибернетические военные действия – форма военных действий, у которых имеется три главных характеристики. Первое, они имеют всеобъемлющий характер по масштабу и охвату целей поражения, при этом не делается различий между военными и гражданскими целями или тылом и фронтом. Во-вторых, неограниченные кибернетические военные действия влекут за собой физические последствия и жертвы, вызываемые частично нападениями с целью уничтожения людей и объектов, и частично постепенным разрушением объектов, совокупность которых можно назвать потенциалом гражданского управления в таких областях, как управление воздушным движением, аварийными службами, водоснабжением и производством электроэнергии. В-третьих, в дополнение к человеческим жертвам, может быть причинен значительный экономический и социальный ущерб.

© Reuters

Вирусная атака: разрушение информационной инфраструктуры – привлекательный вариант для стран, у которых нет потенциала для противоборства на традиционном поле боя

Неограниченные кибернетические военные действия будут, скорее всего, направлены преимущественно на важнейшие объекты инфраструктуры страны: энергетические, транспортные, финансовые, водные, связи, аварийных служб и самой информационной инфраструктуры. Для них не будет существовать различий между государственным и частным сектором, а при проведении их на достаточно высоком и скоординированном уровне такие действия будут иметь непосредственные и отдаленные последствия. В конечном итоге неограниченные кибернетические наступательные действия приведут к значительным человеческим жертвам, а также к экономическому и социальному распаду.

Атаки с целью достижения отказа в предоставлении услуг также приобретут новое значение в тех случаях, когда услуги связаны не просто с предоставление доступа к Интернету, но образуют системы обеспечения важнейших объектов национальной инфраструктуры – системы, в которых не допускаются длительные простоя. Например, долговременный сбой в производстве электроэнергии и энергоснабжении будет иметь огромное воздействие на медицинские и другие специальные и аварийные службы, объекты связи и потенциал управления в целом. Сбои в действиях специальных и аварийных служб в крупных городах не только станут причиной смерти тех, кто нуждается в таких службах, но также повлекут за собой утрату доверия к правительству в связи с его неспособностью обеспечивать предоставление основных услуг и защиты. Как только станет ясно, что такая атака затронула и другие объекты инфраструктуры, такие как объекты связи, транспорта и водоснабжения, повышенный страх и потеря уверенности в будущем будут воздействовать на основные социальные связи. Атака на финансовую инфраструктуру понизит способность коммерческих структур к нормальному функционированию и вызовет вопросы населения относительно сохранности их личных финансовых средств, включая выплату пенсий, капиталовложения и личные сбережения. Военные сети, все из которых используют магистральные каналы коммерческой связи, будут также испытывать сбои, что

подорвет систему управления войсками и тылом, а также боеготовность и способность к ведению боевых действий. При неограниченных кибернетических военных действиях виртуальные атаки повлекут за собой реальные, крупные и далеко идущие последствия.

По иронии судьбы государства, такие как США и их союзники по НАТО, обладающие потенциалом для достижения превосходства при кибернетических боевых действиях, дополняющих другие боевые действия, и имеющие возможность добиться тактического информационного господства, также наиболее уязвимы при неограниченных военных кибернетических действиях. Однако существуют меры, позволяющие уменьшить такую уязвимость.

Кибернетические военные действия не имеют фундаментальных отличий от обычных, физических военных действий. Когда они ведутся государством, такие действия включаются в определенную стратегию и доктрины, становятся частью военного планирования и осуществляются в соответствии с конкретными параметрами. Вследствие этого они, как и другие военные действия, в значительной степени поддаются анализу и раннему оповещению. Более того, существует несколько способов повышения степени защищенности от кибернетических военных действий. Это включает в себя предвосхищение и анализ, превентивные меры, меры сдерживания, оборонительные меры, меры уменьшения ущерба и восстановления.

Мысль Клаузевица о том, что война – это продолжение политики другими средствами, дает основу для развития и осуществления надежной системы оповещения о кибернетической угрозе. До начала нападения, независимо от того, является оно кибернетическим или обычным, как правило, существуют элементы политической конфронтации. Информированность об эскалации политического конфликта, распознание и анализ развивающегося потенциала средств кибернетического противоборства, а также выявление и оценка факторов, предвещающих нападение – все это дает указания на предстоящие кибернетические атаки. Хотя методические приемы в этой области еще находятся в стадии разработки, они могут обеспечивать оповещение в сочетании с координированными и усложненными стратегиями на выживание с тем, чтобы повысить вероятность распознавания, ответных мер и восстановления систем после согласованной кибернетической атаки.

Методические приемы оповещения о нападении приобретают все большую важность в связи с трудностями при выявлении и анализе изощренной кибернетической атаки. Отграничение атаки на сеть от случайных факторов (таких как скачок в спросе на определенный тип информации в сети или ошибки в выполнении команды, ошибки в части операционной системы сервера, обрабатывающей потоки информационного обмена), требует времени и сопряжено с трудностями. Более того, даже в тех случаях, когда имеется ясность, что готовится атака, обороняющийся должен скоррелировать многочисленные элементы информации (причем каждый из них имеет сомнительное качество) с тем, чтобы лучше понять действия атакующего прежде, чем принять решение об оптимальных ответных мерах. Ухудшение работы сети, понижение качества данных или пропускной способности затрудняют этот процесс, особенно если нельзя доверять сетевым данным.

Превентивные меры и меры сдерживания в кибернетическом мире связаны с трудностями, что частично объясняется способностью атакующих сохранять анонимность.

Однако, наступление при неограниченных кибернетических военных действиях почти наверняка будет содержать указания на того, кто его проводит. Одним из вопросов при атаках такого рода, который в будущем придется решать лицам, ответственным за принятие решений в странах НАТО, будет вопросом о достаточности лишь кибернетического ответного удара, либо необходимости акций взаимодействия в физическом мире, или сочетания этих средств. Понятия увязки, эскалации и сдерживания, знакомые нам со времен "холодной войны", необходимо рассмотреть вновь в связи с новыми непредвиденными вариантами обстановки. Более того, возможно, что стратегия сдерживания может воздействовать на обстановку в кибернетическом пространстве, во всяком случае, при противодействии нападениям при неограниченных действиях.

Имеются также некоторые возможности успешной разработки средств обороны. В ближайшем будущем атаки на современные сети будут почти всегда благоприятными для агрессора. В долгосрочной перспективе это преимущество может перейти к обороняющимся по мере того, как будут реализованы выявление и блокировка средств атаки путем ликвидации уязвимых мест и изоляции соединений сети. Более того, можно повысить мощность информационных сетей. Возможна также изоляция важнейших сетевых служб для поддержания потенциала выполнения конкретных задач. Обеспечение физической безопасности и профессиональная подготовка персонала могут также свести к минимуму угрозу подрывной деятельности изнутри. Кроме того, посредством особой конфигурации защитных систем и систем выявления вторжений можно создать системы оповещения и принятия ответных мер для государственных и частных объектов инфраструктуры.

Наконец, необходимо развивать потенциал для уменьшения ущерба и восстановления систем. При проектировании сетей необходимо учитывать факторы жесткости и выживания (основанных, частично, на наличии других средств для выполнения критически важных задач). При этом также важна разработка аварийных планов для непрерывного выполнения важнейших задач и заданий при значительно меньшей степени кибернетической совместимости. Изолированные внутренние сети могут действовать более эффективно и в большей безопасности без подсоединения к другим сетям, что открывает в этом отношении большие перспективы.

Естественно, все это легче сказать, чем сделать. На пути повышения выживаемости сети существуют многочисленные и разнообразные преграды. Меры обеспечения безопасности зачастую принимаются после происшествий и не являются неотъемлемой частью проектирования сети. У государственных и частных кругов существуют разные подходы к безопасности и ее обеспечению. Вопрос зависимости от компьютерных сетей, как правило, не вызывает разногласий. При этом границы сфер ответственности в государственном секторе зачастую размыты и запутаны в связи с существованием дублирующих и противоречащих друг другу правовых положений. Тем не менее, все эти трудности можно преодолеть при комплексном подходе, предполагающем наличие политической воли, твердой решимости выполнять организационные решения, тщательного планирования и систематической реализации запланированного. Если мы хотим сохранить возможность ограничения физического ущерба в реальном мире, составной частью военного планирования должен стать мир виртуальный.

К новому стратегическому партнерству

Виллем Матцер рассматривает отношения между НАТО и Россией после событий, произошедших 11 сентября, и перспективы улучшения сотрудничества.

© NATO

Встреча в Москве: сближение последних месяцев позволило вынести на обсуждение далеко идущие предложения

Редко какое событие так сближают людей, как трагедия. Трудно себе представить другую более страшную трагедию с последствиями более масштабными, чем та, что произошла 11 сентября. Она унесла жизни тысяч американцев, почти восьмисот граждан других стран НАТО и около ста россиян. Более того, уничтожение двух башен Всемирного торгового центра наблюдали в прямом эфире миллионы людей во всем мире. После этой катастрофы, затронувшей всех, единство целей союзников по НАТО и России перед лицом общей угрозы стало важной особенностью борьбы международной коалиции с терроризмом. Более того, челночная дипломатия, саммиты и целый поток новых предложений, имевших место в последние месяцы, несомненно, открыли большие возможности для более тесного сотрудничества и глубоких отношений между НАТО и Россией.

Естественно, большие ожидания улучшения отношений между НАТО и Россией возникают не впервые. В 1997 г., во время подписания Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, главы государств и

правительств стран НАТО и России взяли на себя обязательство преследовать "цели преодоления остатков прежней конфронтации и соперничества и укрепления взаимного доверия и сотрудничества, что явилось началом фундаментально новых отношений между НАТО и Россией, и намерения развивать прочное, стабильное и долговременное партнерство". Более того, был создан Совместный постоянный совет (СПС) НАТО-Россия в качестве «механизма для консультаций, координации и, в максимально возможной степени, по мере необходимости, для совместных решений и совместных действий».

После этого в отношениях между Россией и НАТО было много взлетов и падений. На этом пути сыграли свою роль многие личности, а также меняющиеся политические парадигмы и неотложные проблемы безопасности, в том числе балканские конфликты, первая чеченская война, кампания НАТО в Косово, вторая чеченская война и теперь – борьба международной коалиции с терроризмом.

Поэтому при попытке поставить отношения между НАТО и Россией на прочную основу необходимо провести анализ того, где, когда и как эти отношения портились в прошлом и определить возможности извлечь определенные уроки на будущее. Очевидно, такой анализ следовало провести раньше. Однако до недавнего времени этому препятствовало, говоря в общем, поли-

Виллем Матцер работает в бюро специального советника НАТО по Центральной и Восточной Европе.

тическое «бремя» отношений между НАТО и Россией и, в частности, то, как функционировал СПС.

Для полной оценки текущей ситуации и анализа тех трудностей, которые необходимо преодолеть, следует рассмотреть отношения между Россией и НАТО в историческом контексте. Ведь, в конечном итоге, после окончания "холодной войны" прошло немногим более десятилетия, и установки того периода продолжают оказывать влияние на наше мышление. Хотя в начале девяностых годов некоторые люди, занимавшие самое высокое положение в российском обществе, проявляли стремление к проведению прозападной политики, многим руководящим работникам было трудно смириться с разрушением Варшавского договора, развалом СССР и последовавшей за этим потерей статуса сверхдержавы. Более того, зачастую им казалось унизительным продолжать иметь дело с НАТО, являвшейся по их мнению "противником, победившим в холодной войне". Многим в России даже продолжение существования НАТО казалось предательством. Если СССР и Варшавский договор ("угрозы", для отражения которых создавалась НАТО) перестали существовать, считали они, в чем же необходимость сохранения западного военного союза?

По мере того, как Россия боролась за интеграцию в западные институты, а экономические трудности уничтожали мечты о капиталистическом процветании обычных россиян, воцарялось разочарование. При этом НАТО не смогла найти правильный тон для развития своих отношений с Россией и поэтому ей не удалось убедить российскую бюрократию в своих добрых намерениях. Официальные лица из министерств иностранных дел и обороны России с разочарованием убедились в том, что в Совете североатлантического сотрудничества – предшественнике нынешнего Совета евроатлантического партнерства (СЕАП) – к ним относятся точно так же, как к их коллегам из стран бывшего Варшавского договора и бывших советских республик. Решением, принятым на брюссельском саммите 1994 года, руководители Североатлантического союза вновь подтвердили, что двери НАТО открыты для вступления новых членов, затем последовало поручение провести в 1995 г. исследование вопросов расширения НАТО, что еще больше усилило недоверие к этим отношениям. С точки зрения России НАТО не только пережила породившие ее угрозы, но и расширяла свое военное и политическое влияние, приближаясь все ближе к российским границам.

Назначение в 1996 г. Примакова министром иностранных дел явилось поворотным пунктом и через год был подписан Основополагающий акт Россия–НАТО. С того времени, как Примаков возглавил министерство иностранных дел, внешняя политика России и политика в области безопасности стали более последовательными и решительными. Более того, одной из задач, на которую опирается Основополагающий акт НАТО–Россия, является обеспечение права России выражать свое мнение в ключевых евроатлантических институтах, занимающихся обеспечением безопасности, и влиять на процесс принятия решений. Так как предполагалось, что СПС будет включать в себя механизмы принятия совместных решений и совместных

действий, Россия рассматривала его как возможность оказания такого влияния.

Однако, несмотря на выражаемый вначале оптимизм, быстро стало ясно, что СПС не функционирует так, как это предполагалось. Некоторые из недостатков СПС можно отнести к культурным различиям. НАТО функционирует на основе консенсуса, и поэтому в ней всегда используется восходящий подход к сотрудничеству. Это предполагает постоянный процесс неофициальных консультаций между постоянными представителями союзников в штаб-квартире НАТО для облегчения достижения соглашения, в том числе, в некоторых случаях, они приходят к договоренности обходить конкретные вопросы, мнения по которым расходятся. Несмотря на содействие, оказанное им в деятельности СПС, Примаков, однако, принял решение не создавать постоянного присутствия в штаб-квартире НАТО. Это решение, принятое в сочетании с нисходящим подходом к сотрудничеству со стороны Москвы, имело важнейшее значение, так как оно резко ограничило возможность участия в России в процессе формирования консенсуса.

Террористические атаки на США дали новый импульс отношениям между НАТО и Россией, но улучшение этих отношений зародилось еще до 11 сентября.

Однако еще более серьезным препятствием было нежелание обеих сторон преодолевать стереотипы времен "холодной войны". Россия, подталкиваемая стремлением Примакова восстановить статус великой державы своей страны во "многополярном" мире, по-прежнему уделяла главное внимание созданию препятствий солидарности Североатлантического союза. В ответ на это союзники по НАТО потребовали не проводить никаких переговоров с Россией до официального согласования позиций НАТО. Для представителей России, которым было отказано в возможности влиять на направление политики Североатлантического союза до принятия решений, формат "19+1" превратился в формат "19 против 1", а обмены мнениями между НАТО и Россией зачастую сводились лишь к повторению хорошо известных позиций. Заседания СПС прекратились в начале 1999 г., когда Россия покинула его в протест против решения НАТО начать воздушную кампанию, направленную на прекращение этнических чисток в Косово. Однако такое замораживание отношений между НАТО и Россией было, прежде всего, подтверждением существовавших до этого трудностей в отношениях между двумя сторонами и расхождением подходов к СПС.

Хотя террористические атаки против США и процесс создания международной коалиции против терроризма, несомненно, придал отношениям между НАТО и Россией новый импульс и ощущение неотложности при обсуждении многих вопросов, улучшение отношений зародилось еще до 11 сентября. Уже в начале 2000 г. назначение Владимира Путина исполняющим обязанности президента России проложило путь к новым и более конструктивным отношениям, и в мае того же года возобновилась деятельность СПС. После этого, несмотря на недовольство, выражаемое Западом в связи с контртеррористическими операциями России в Чечне, НАТО и России удалось постепенно повысить разнообразие и число совместных видов деятельности.

К весне 2001 г произошло расширение рабочей повестки дня СПС, и в нее вошел широкий круг вопросов, представляющий взаимный интерес, в том числе, продолжающееся сотрудничество на Балканах и консультации по проводимой там миротворческой деятельности, обсуждение вопросов стратегии и доктрины, сотрудничества в области контроля над вооружениями и распространением ОМП, военной инфраструктуры, ядерных вопросов и противоракетной обороны театра военных действий, а также вопросов переподготовки военнослужащих, уволенных с военной службы, поиска и спасания на море. Более того, масштабы этой программы стали почти такими же широкими, какими они были в конце 1998 г. В феврале 2001 г., после проводившихся в течение года переговоров, генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон смог открыть в торжественной обстановке Информационное бюро НАТО в Москве. Поэтому именно в этой, более благоприятной атмосфере, проходили две конструктивные встречи между лордом Робертсоном и российским президентом Путиным во второй половине 2001 г.

Встречи между Путиным и Робертсоном, состоявшиеся в октябре в Брюсселе и в ноябре в Москве, а также несколько встреч между президентом Бушем и президентом Путиным, состоявшихся в эти же сроки, несомненно создали новую основу отношений между НАТО и Россией, и Россией и США. Более того, в совместном заявлении после ноябрьской встречи в Крофорде (шт. Техас) оба президента обещали, что Россия и США "будут работать совместно с НАТО и другими членами НАТО над улучшением, укреплением и углублением отношений между НАТО и Россией с целью развития новых эффективных механизмов консультаций, сотрудничества, принятия совместных решений и скоординированных/совместных действий". Более того, на декабрьском заседании СПС в штаб-квартире НАТО на уровне министров иностранных дел, Россия и НАТО взяли на себя обязательство "выстраивать новые отношения" и поручили послам рассмотреть "эффективные механизмы для консультаций, сотрудничества, принятия совместных решений и скоординированных/совместных действий".

Сближение, наблюдавшееся в последние месяцы, позволило вынести на обсуждение далеко идущие предложения, в том числе, институционализацию сотрудничества между НАТО и Россией в формате "20". Это также создало большие надежды у обеих сторон, не все из которых реалистичны. Создание механизмов для проведения заседаний с Россией в формате "20" без предварительной координации позиций НАТО, не означает, что Россия получит право вето в отношении процесса принятия решений Североатлантического союза. Североатлантический союз будет продолжать действовать в формате "19" и сохранять свою свободу в области принятия решений и действий по любому вопросу, соответствующему его ответственности в рамках Вашингтонского договора. Однако в тех случаях, когда могут быть найдены общие точки соприкосновения, и Россия и НАТО смогут работать вместе, важно создать механизмы, необходимые для осуществления этого.

Многие западные аналитики считают, что в настоящее время президент Путин ушел далеко вперед по сравнению с другими ведущими представителями российских кругов в области обороны и безопасности. Некоторые даже считают, что он вышел за отведенные

ему пределы и, таким образом, стал уязвим. Независимо от конкретного характера его положения, напряжение, вызванное ожиданием успеха (как для президента Путина, так и для НАТО) остается большим, и необходимость достижения конкретных результатов станет еще более важной по мере приближения встречи на высшем уровне в Праге и появления на горизонте вопроса о расширении НАТО. Тщательно проанализированный и скоординированный комплекс ощущимых мер по продвижению вперед мог бы помочь президенту Путину ликвидировать разрыв между ним и более консервативными элементами в его элите, отвечающими за вопросы безопасности страны. Более того, необходима также тщательно продуманная политика информирования общественности, так как ожидания и/или измышления средств массовой информации создают потенциальную угрозу опасной степени давления на политический процесс, который и так будет неизбежно сложным.

Базовые подходы многих институциональных структур в отношениях между НАТО и Россией не изменились. В результате этого "прорывы" на высшем политическом уровне и/или конструктивные подходы при неофициальных переговорах не превращаются автоматически в практические результаты. Предстоит еще реализовать конкретные предложения и программы, пользуясь теми же самыми бюрократическими каналами и, в некоторых случаях, несмотря на них. Хотя представляется, что обстановка сотрудничества способствует достижению прогресса, успех еще не обеспечен, а реализация инициатив, имеющих большой общественный резонанс, может произойти нескоро или вообще не произойти. Поэтому более реалистичным может быть подход, предполагающий длительный процесс продвижения в решении меньших по масштабу официальных и неофициальных, но, все же, существенных вопросов.

Главная цель России не изменилась. Она по-прежнему стремится, прежде всего, чтобы к ней относились как к зрелому влиятельному партнеру, и к получению права высказывать свое мнение в ключевых евроатлантических институтах по обеспечению безопасности, а также в принятии решений по вопросам обороны и безопасности. Если союзники по НАТО не захотят или не смогут наполнить эту цель содержанием, последствия могут быть серьезными и долговременными. Хотя символические шаги вперед могут иметь свою ценность, этому процессу также необходимо содержание. Новые механизмы сотрудничества могут помочь в преодолении недоверия прошлого и улучшить нашу способность проводить, при необходимости, совместные действия. Однако сами по себе новые механизмы не смогут создать основу прочных и долгосрочных отношений между НАТО и Россией. Здесь необходим новый настрой, в частности, со стороны России.

По мере того как политики и политические лидеры пытаются воспользоваться этой исторической возможностью, они должны понимать, как велика ставка в этой игре. Неправильные шаги могут серьезно подорвать добрую волю, которая создавалась в последние месяцы и даже отбросить эти отношения назад. Если, однако, несмотря на сложность и деликатность этого вопроса, НАТО и Россия смогут объединиться и выстроить новое стратегическое партнерство, это принесет значительные выгоды, выходящие далеко за рамки общих интересов двух партнеров.

Тед Уайтсайд: руководитель Центра НАТО по ОМП

Тед Уайтсайд возглавляет Центр НАТО по оружию массового поражения со временем его создания осенью 2000 г. Он начал работать в Отделе НАТО по вопросам политики в сентябре 1999 г. в качестве заместителя руководителя секции по разоружению, контролю над вооружениями и безопасности на основе сотрудничества, а до этого был сотрудником канадского представительства при НАТО и работал в посольстве Канады в Бонне.

Вестник НАТО: Что представляет собой Центр по ОМП и почему он был создан?

Тед Уайтсайд: Центр по ОМП состоит из группы сотрудников разных подразделений Отдела по вопросам политики НАТО. Он был создан для оказания поддержки комитетам и рабочим группам, занимающимся вопросами распространения ОМП. Мандат Центра по ОМП является непосредственным результатом washingtonской встречи НАТО на высшем уровне 1999 г. и инициативы НАТО в области ОМП. В целом перед центром стоит шесть широких задач. Это – активизация дискуссий в НАТО для углубления общего понимания союзниками вопросов ОМП и путей ответа на них; повышение качества и объема обмена разведданными и информацией между союзниками по вопросам распространения ОМП; поддержка разработки союзниками стратегии в области информирования общественности для повышения общественного осознания вопросов распространения ОМП и усилий союзников по НАТО в поддержку деятельности по его нераспространению; повышение военной готовности к действиям в условиях применения ОМП и к противостоянию угрозам применения ОМП; обмен информацией по национальным программам двустороннего уничтожения ОМП и оказание содействия, в частности, оказание помощи России по уничтожению ее запасов химического оружия; расширение возможностей союзников по НАТО в оказании взаимной помощи в защите их гражданского населения от рисков применения ОМП. Как вы видите из перечисления этих задач, у Североатлантического союза имеется весьма напряженная программа деятельности по вопросам рисков и угроз в области ОМП, а центр является специальным органом по оказанию поддержки в этих усилиях.

В.Н.: Как функционирует Центр по ОМП? Сколько там работает сотрудников НАТО и национальных экспертов?

Т.У.: У нас работает три сотрудника международного секретариата и семь национальных экспертов. Эти семь экспертов обладают опытом в самых различных областях. У нас есть специалисты по химическому оружию, биологическим поражающим средствам, баллистическим ракетам, эксперты со знаниями и опытом в области защиты войск, разведки и политических аспектов контроля над вооружениями и режимов нераспространения ОМП. Мы обеспечиваем работу ряда комитетов НАТО. Из них два основных – это Главная военно-политическая группа по вопросам распространения ОМП и Главная военная группа по вопросам распространения ОМП. В дополнение к этому Центр по ОМП оказывает активную поддержку Главному политическому комитету в его работе, связанной

NATO © с противоракетной обороной театра военных действий, сотрудничеством с Россией и вопросами противодействия Североатлантическим союзом терроризму после атак на США, совершенных 11 сентября 2001 г.

В.Н.: Как изменилась программа работы Центра по ОМП после 11 сентября?

Т.У.: В результате событий 11 сентября, несомненно, повысилось осознание возможности использования оружия массового поражения негосударственными структурами. В результате углубления понимания этой проблемы центр привел свою рабочую программу в соответствие с меняющимися требованиями комитетов, работу которых мы обеспечиваем. При этом следует отметить, что в таком комитете, как Главная военная группа по вопросам распространения ОМП, сохраняется большая доля преемственности в работе, проводимой в последние годы по повышению готовности к военным действиям в условиях применения ОМП. Многие практические шаги, которые были предприняты союзниками по НАТО в отношении защиты войск, обнаружения и опознавания ОМП, медицинских мер противодействия, можно адаптировать для противостояния рискам, связанным с возможным применением оружия массового поражения негосударственными структурами. Поэтому мы стремимся опираться на результаты уже проведенной работы и имеющиеся инициативы. Хотя наша программа не подверглась заметным изменениям, существует явный сдвиг акцента на риски, связанные с биологическими поражающими средствами. Более того, нам необходимо знать больше о возможном применении биологических, химических и радиологических боеприпасов негосударственными структурами и рассматривать это как важный аспект осмысливания этой проблемы. В дополнение к этому необходимо проанализировать опимальные пути сотрудничества в целях защиты гражданского населения от этих рисков.

В.Н.: После целого потока писем со штаммом сибирской язвы создается впечатление, что средства массовой информации находятся во власти только одной темы – биотerrorизма. Насколько серьезной является эта форма боевых действий?

Т.У.: Возможность применения биологических поражающих средств негосударственными структурами представляет собой значительную проблему. Негосударственные структуры уже продемонстрировали свой потенциал создания и применения некоторых видов такого оружия. Одной из важных характеристик биологических поражающих средств является их высокая токсичность, что делает их

привлекательными для негосударственных структур. Возможное применение таких поражающих средств террористами или уголовными элементами может иметь крайне разрушительные последствия. Эти поражающие средства незаметны, их трудно выявить, им крайне трудно противодействовать в связи с большими затратами средств, как с точки зрения медицинских мер противодействия, так и правоохранительной деятельности. Технология двойного применения и широкое распространение специальных знаний, накопленных современными биологическими отраслями промышленности, увеличивают трудности, связанные с противодействием этому типу распространения ОМП. Хотя применение и хранение биологического оружия запрещено с 1972 г. Конвенцией по запрещению разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия, по-прежнему существуют большие трудности в осуществлении соответствующих мер проверки. В отличие от режимов контроля над обычными вооружениями, где существует возможность подсчета конкретных объектов, таких как танки и артиллерийские орудия, и принятие эталонных критериев проверок, в случае биологического оружия такой вариант практически отсутствует. Поэтому очень важно продолжать усилия по превращению Конвенции 1972 г. в эффективный инструмент противодействия растущей угрозе биологического оружия.

В.Н.: Какие другие угрозы представляются Вам в настоящее время наиболее опасными?

Т.У.: Существуют риски, связанные с биологическими и химическими поражающими средствами, с токсичными промышленными химическими веществами, а также радиологическими боеприпасами. Кроме этого, распространение баллистических ракет по-прежнему остается вопросом, вызывающим серьезную озабоченность Североатлантического союза. В этой области НАТО сохраняет прочную приверженность режиму контроля над ракетной технологией, деятельности "Австралийской группы" и групп Зангтера и ядерных поставщиков в качестве важных аспектов нашей деятельности по противодействию распространению оружия массового поражения и средств его доставки.

В.Н.: Формируется ли точка зрения Североатлантического союза по вопросу распространения ОМП? По противоракетной обороне?

Т.У.: С начала девяностых годов Североатлантический союз неоднократно отмечал важность усиления деятельности, направленной против распространения ОМП. Главной целью остается предотвращение распространения ОМП, а в случае, если оно произойдет, поворот его вспять дипломатическими средствами. Параллельно с этим подходом важную роль играет обеспечение соответствующего оборонительного построения, направленного против возможного применения оружия массового поражения. Оборонительное построение Североатлантического союза дол-

жно обладать возможностями соответствующего и эффективного противостояния угрозам, которые могут исходить от распространения оружия массового поражения и средств их доставки. Весьма важным является сохранение гибкости и эффективности вооруженных сил Североатлантического союза, несмотря на присутствие ядерного, биологического и химического оружия, угрозы им или его применение. В этой связи Североатлантический союз использует сочетание различных средств для противостояния вызовам распространения ОМП, в том числе средств сдерживания, наступления и обороны, а также действует в направлении повышения эффективности контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения ОМП и принимает меры в области дипломатии и противодействия распространению.

В.Н.: Россия проявляет интерес к сотрудничеству с НАТО в области тактической противоракетной обороны. В каком направлении может пойти эта деятельность?

Т.У.: По вопросу противоракетной обороны с Россией проводился целый ряд активных, интенсивных консультаций. Эти консультации будут продолжаться в будущем и, скорее всего, будут ориентированы на две или три обобщенные области. Во-первых, мы можем обсудить характер распространения баллистических ракет в мире, наше понимание проблемы, ее масштабы и виды противодействия. Во-вторых, мы можем обсудить концептуальные вопросы, такие как общее понимание значения "противоракетной обороны", пути интеграции ее в общую концепцию ПВО на широком фронте, а также ее функционирование с точки зрения обеспечения связи, командования и управления войсками и связанные с ней задачи в области боевой подготовки. Мы можем также рассмотреть возможности в области промышленного сотрудничества, которое впоследствии может возникнуть между НАТО и Россией по разрабатываемым в настоящее время системам.

В.Н.: Имеются ли планы расширения деятельности Центра по ОМП и включения в его работу представителей государств-партнеров?

Т.У.: Партнеры уже проводят консультации с Североатлантическим союзом по вопросу распространения ОМП. Проводились конкретные глубокие двусторонние переговоры с Россией и Украиной. В рамках Совета евроатлантического партнерства проводились общие дискуссии и, как и в прошлом, продолжаются встречи экспертов по вопросу разоружения с представителями государств-партнеров. Мы надеемся на расширение этой деятельности в комитетах, чтобы можно было во все большей степени заниматься решением проблем в области распространения ОМП со всеми партнерами. Начались также контакты и консультации со странами Средиземноморского диалога. Сейчас проводится большая работа по усилению и углублению всех подобных консультаций. ■

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА НАТО

"Объединение ученых во имя мира и прогресса"

Научная программа НАТО поддерживает совместные проекты ученых из стран НАТО и государств-партнеров. Программа, которая не связана с обороной, ставит своей целью стимулирование сотрудничества между учеными различных стран, создание прочных связей между исследователями и содействие поддержанию научных сообществ в государствах-партнерах.

Подробную информацию можно получить на веб-сайте НАТО : <http://www.nato.int/science>

На линии фронта

Так как государства-партнеры НАТО в Центральной Азии находятся на передовой линии в борьбе международной коалиции против терроризма, Осман Явузалл анализирует отношения Североатлантического союза с этими странами.

Когда стало ясно, что террористические атаки, совершенные 11 сентября на США, были разработаны и направлялись базирующейся в Афганистане сетью "Аль-Каиды" Осама бен Ладена, их свирепость и дерзость не вызывала удивления в странах Центральной Азии. Международное сообщество уже, конечно, знало об ухудшающейся ситуации в Афганистане и выражало озабоченность в связи с нарушением прав человека, бессмысленным уничтожением буддистских статуй и арестами иностранных сотрудников гуманитарной организации за, якобы, проповедь христианства. Однако, Киргизская Республика, Таджикистан, Узбекистан и, в меньшей степени, Казахстан знали из первых рук об опасностях, исходящих от афганского режима талибов, так как сами в течение долгого времени испытывали на себе последствия торговли наркотиками и начиная с 1998 г. не раз подвергались вторжениям террористов, связанных с "Аль-Каидой".

Более того, страны Центральной Азии были одними из первых, кто привлек внимание всего мира к ухудшающейся ситуации в Афганистане и потенциальным рискам в области международной безопасности. Еще 8 сентября 2000 г., за год до атак на США, президент Узбекистана Ислам Каримов предупреждал Генеральную Ассамблею ООН о том, что "Афганистан превратился в учебный полигон и очаг международного терроризма", а также, что "продолжение войны в Афганистане является угрозой безопасности не только государств центральноазиатского региона, но и всего мира".

С 1997 г. Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан пытались добиться мирного разрешения афганского кризиса исходя из потребности восстановления правопорядка и прекращения страданий афганского народа путем усилий стран так называемой Группы "шесть+два", куда входят Китай, Иран, Пакистан, и пользующейся поддержкой и России, и США. Совсем недавно, 12 ноября, представители этой группы провели встречу в Нью-Йорке в кулуарах Генеральной Ассамблеи ООН с послом Лакдаром Брахими, специальным посланником ООН в регионе, для переговоров о положении в Афганистане после свержения талибов на котором представители шести соседних государств выразили поддержку созданию после свержения режима «Талибан» многоэтнического, свободно избранного и сформированного на широкой основе правительства.

Немедленно после событий 11 сентября страны Центральной Азии присоединились к другим членам Совета евроатлантического партнерства (СЕАП) в безоговорочном осуждении атак и обязались предпринять все усилия

для борьбы со злом терроризма. За это время они выполнили свои обещания, предоставив свою территорию и имеющиеся ресурсы для нужд международной коалиции. 24 сентября Казахстан объявил о своей готовности оказать поддержку коалиции под руководством США, используя все имеющиеся в его распоряжении средства. Аналогичным образом Киргизская Республика, Таджикистан и Туркменистан ясно выразили свою поддержку борьбе против терроризма. Узбекистан стал важнейшим звеном в кампании против «Талибана», объявив 5 октября о том, что откроет свое воздушное пространство для самолетов США и предоставит право совершения ими посадок на узбекской территории для проведения поисково-спасательных и гуманитарных операций. С учетом того, что население всех этих стран преимущественно мусульмане, их поддержка явно показывает, что в противовес заявлениям бен Ладена международная кампания против терроризма не является крестоносным походом против ислама или конфликтом цивилизаций.

Атаки, совершенные 11 сентября, ярко продемонстрировали неделимость безопасности в Евроатлантическом регионе. В настоящее время все страны сталкиваются с аналогичными угрозами, независимо от того, находятся ли они в Северной Америке, Европе или Центральной Азии. Более того, атаки и последующая кампания против терроризма также выясвили важность Центральной Азии для евроатлантической безопасности и необходимость более тесного сотрудничества между НАТО и ее центральноазиатскими партнерами, причем не только в условиях текущего кризиса, но и в последующий период.

У Центральной Азии и Европы долгая история тесного взаимодействия. В XIX веке регион привлек внимание Британской и Российской империй, так как через него проходил Великий шелковый путь, основная торговая магистраль, связывающая Европу с Дальним Востоком. В настоящее время запасы среднеазиатских энергоносителей открывают возможности получения огромных богатств для развития региона. Однако интерес НАТО к этому региону за последнее десятилетие был не результатом истории Центральной Азии или ее экономического потенциала, напротив, Североатлантический союз стремится упрочить безопасность Центральной Азии как часть его стратегии создания партнерских отношений с новыми демократическими странами, противостояния новым вызовам в области безопасности и содействия стабильности во всем Евроатлантическом регионе. Усилия, направленные на более тесные партнерские отношения и сотрудничество в рамках программы "Партнерство ради мира" и СЕАП, несут выгоды всем.

В программе "Партнерство ради мира" предлагается широкое "меню" видов деятельности, связанных с обеспечением безопасности и охватывающих такие

Осман Явузалл работает в Отделе по политическим вопросам НАТО и занимается вопросами расширения НАТО и отношениями Североатлантического союза с центральноазиатскими партнерами.

области, как гражданское чрезвычайное планирование, антикризисное регулирование, подготовка по иностранным языкам, научное сотрудничество и оперативная совместимость вооруженных сил. Каждый партнер может выбирать из этого меню соответствующие виды деятельности на основе своих собственных требований и первостепенных задач. Более того, по условиям партнерства союзники по НАТО проводят, при необходимости, консультации с партнером, если партнер усматривает непосредственную угрозу своей территориальной целостности, политической независимости или безопасности.

"Партнерство ради мира" опирается на два главных принципа. Первый: оно не направлено против интересов третьих стран. Нейтральные страны, такие как Австрия, Ирландия, Молдова и Швейцария также могут получать выгоды от широкого круга предлагаемых видов деятельности. Второй: оно не стремится подменять или дублировать другие инициативы по сотрудничеству, а направлено на дополнение их, так как НАТО всегда с уважением относилась к конкретным интересам и региональным соображениям своих партнеров. Например, в Юго-Восточной Европе страны участвуют в ряде парал-

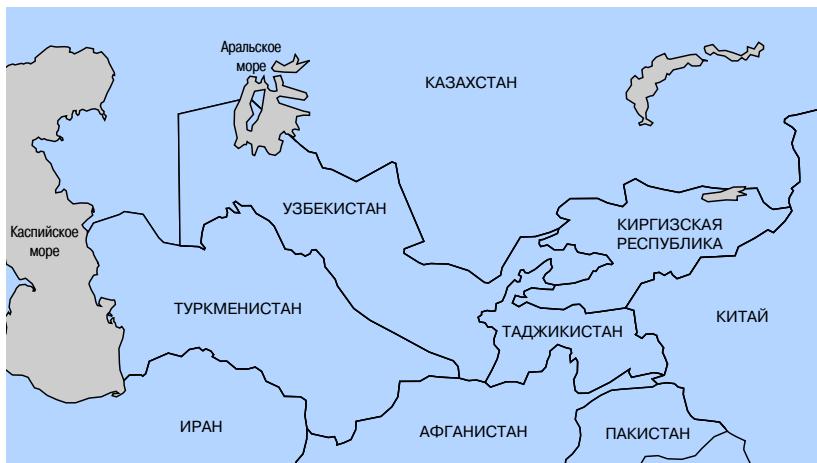
посвященных сотрудничеству в области безопасности, где рассматривались вопросы безопасности в Центральной Азии. Их проведение в самом регионе позволило союзникам по НАТО и другим партнерам лучше понять условия в этих странах. Первый семинар проводился в октябре 1999 г. в Ташкенте (Узбекистан). Успех этой инициативы позволил провести второй семинар в ноябре 2000 г. в Бишкеке (Киргизская Республика) и третий – в сентябре 2001 г., в Алматы (Казахстан), всего лишь несколько дней спустя после террористических атак против США.

Еще одним важным направлением сотрудничества является гражданское чрезвычайное планирование. В центральноазиатских странах нередки стихийные бедствия, такие как землетрясения и наводнения, и поэтому они заинтересованы в изучении способов защиты своих городов и населения, находящихся в зонах высокого риска. Планирование действий при таких гражданских чрезвычайных ситуациях и подготовка почвы для сотрудничества между гражданскими и военными службами при операциях по ликвидации последствий стихийных бедствий облегчается участием представителей этих стран в семинарах и мероприятиях, организуемых в рамках "Партнерства ради мира". С этой целью проводились специальные курсы в 1996 г. в Киргизской республике, в 1999 г. в Узбекистане и в 2001 г. в Казахстане.

НАТО и ее центральноазиатские партнеры также получают выгоды от возможностей сотрудничества в области научно-технических исследований. За восемь лет после того, как научная программа НАТО стала доступна для участия государств-партнеров, представителям пяти центральноазиатских стран было выделено 120 научно-технических грантов НАТО. В октябре этого года в рамках Научной программы была выдвинута инициатива проведения крупного проекта "Виртуальный шелковый путь" с целью предоставления доступа к Интернету ученым и преподавателям восьми стран Центральной Азии и Южного Кавказа. К

другим научным проектам, проводимым с помощью НАТО в Центральной Азии, относятся экспериментальные исследования в области приятия экологических решений по устойчивому развитию, которые начались в феврале 2001 г. с участием Казахстана, Киргизской Республики, Таджикистана и Узбекистана; проекты по проблемам радиоактивности на бывшем ядерном испытательном полигоне в Семипалатинске в Саржайской области Казахстана; инициативы по борьбе с загрязнением Аральского моря.

Центральная Азия, когда-то бывшая местом "большой игры", остается регионом, имеющим важнейшее стратегическое значение и в начале XXI века. Однако игры с нулевой суммой прошлого стали достоянием истории. Последние события снова продемонстрировали мудрость развития сотрудничества, упрочения стабильности и безопасности во всем Евроатлантическом регионе. Хотя Североатлантический союз не претендует на решение там всех проблем или же на решение проблем в других регионах, становится совершенно очевидным, что долгосрочные инвестиции в укрепление отношений, улучшение взаимопонимания и углубление сотрудничества укрепляют безопасность для всех..

ельных многонациональных инициатив и поддерживают особые двусторонние отношения между собой в дополнение к сотрудничеству с НАТО. Таким же образом Североатлантический союз стремится поддерживать различные виды сотрудничества, в которых участвуют некоторые центральноазиатские партнеры, такие как Шанхайская организация сотрудничества или Конференция по взаимодействию и мерам укрепления доверия в Азии, а также уважает отношения, которые сложились у стран с Россией по историческим, geopolитическим и социально-экономическим причинам.

На основе такого взаимопонимания НАТО и центральноазиатские партнеры смогли начать деятельность по сотрудничеству в различных областях. Между членами Североатлантического союза и 27-ю государствами-партнерами ведется упорядоченный диалог в рамках СЕАП практически по всем вопросам, представляющим интерес. Посредством этой многосторонней структуры центральноазиатские партнеры могли постоянно информировать союзников по НАТО и других партнеров о развитии событий в своем регионе после появления терроризма, организованного режимом «Талибан». Так же под эгидой СЕАП проводился ряд региональных семинаров,

Дебаты

Какое место в свете событий 11 сентября занимает противоракетная оборона в приоритетах расходов на обеспечение безопасности?

Высокое:

Кит Б. Пейн – президент Национального института по вопросам государственной политики, председатель консультативной группы по концепциям сдерживания Секретариата министра обороны США и альянкт-профессор Джорджатаунского университета.

Низкое:

Джозеф Чиринчиони – директор проекта по нераспространению ОМП Фонда Карнеги по международному миру.

Уважаемый Джозеф!

В поддержку положения о том, что противоракетная оборона должна стать одним из приоритетов в расходах США на оборону, говорит консенсус, достигнутый обеими партиями в Вашингтоне, и активная поддержка развертывания противоракетной обороны американской общественностью, существующая уже в течение многих лет. Более того, примерно две трети американского народа считают, что они уже защищены средствами противоракетной обороны. Когда же выясняется истинное положение дел, они выражают свое неудовольствие.

В качестве основной причины превращения противоракетной обороны в приоритет следует отметить нарождающуюся многоплановую угрозу применения баллистических ракет. В опубликованном в 1999 г. открытом докладе Национального совета по разведке "Тенденции в области разработки ракет за рубежом и угроза Соединенным Штатам со стороны баллистических ракет в период до 2015 г." прогнозировалось: "В период предстоящих пятнадцати лет Соединенным Штатам придется столкнуться с угрозой применения МБР (межконтинентальных баллистических ракет), исходящей от России, Китая и Северной Кореи, а также, вероятно, от Ирана и, возможно, Ирака". В докладе также отмечается, что распространение баллистических ракет средней дальности "уже создало непосредственную, серьезную и растущую угрозу вооруженным силам, интересам и

союзникам США, а также в значительной степени изменило стратегический баланс на Ближнем Востоке и в Азии". Тот факт, что некоторые из этих стран, стремящихся к осуществлению ракетных программ, также создают ядерное, биологическое и химическое (ЯБХ) оружие и оказывают поддержку террористам или укрывают их, позволяет реально оценить эту надвигающуюся угрозу.

Современная угроза распространения ракет связана с ракетами меньшей дальности, чем МБР. Однако это не означает, что защита от ракет большой дальности должна иметь низкий приоритет. Напротив, в августе 1998 г. двухпартийная Комиссия Рамсфелда пришла к выводу о том, что державы, способные вскоре обладать баллистическими ракетами, могут создать потенциал МБР примерно через пять лет после принятия соответствующего решения, причем возможно, что в течение нескольких лет мы даже не узнаем о том, что такое решение было принято. Уже имеется достаточно предупреждений о существовании потенциала для быстрого появления новых угроз со стороны МБР. В некоторых случаях, таких как Северная Корея, часы, кажется, уже пущены, и было бы неразумно не спеша заниматься принятием ответных мер.

Даже если более серьезная угроза применения ракет возникнет лишь через пять или даже пятнадцать лет, не начав создавать полномасштабную оборону уже сейчас нам навряд ли удастся создать ее к тому вре-

мени, когда эта угроза станет непосредственной и ясной. Ждать громогласного появления МБР с боевыми частями, снаряженными ОМП, в Северной Корее, Иране и/или Ираке и затем только придать противоракетной обороне высокий приоритет – означало бы идти на риск оказаться в продолжительном периоде беспрецедентной уязвимости.

В дополнение к этому министр обороны США Дональд Рамсфелд теперь уже официально заявил о том, что некоторое «государство-изгой» уже провело испытательный запуск баллистической ракеты морского базирования, дальность которой меньше межконтинентальной. Следовательно, было бы ошибочным говорить о том, что ракетная угроза США ограничена лишь МБР.

Тот факт, что ракеты «государства-изгоев» могут быть относительно примитивными, не может служить утешением. Для того, чтобы угрожать городам или атаковать их, нет нужды в большой точности. Нельзя и с доверием относиться к частым самоуверенным заявлениям о том, что вероятность ракетной атаки с применением ОМП со стороны «государства-изгоя» весьма невелика. Никто не знает, какова вероятность этого. Однако мы наверняка знаем, что ракетный удар может одним махом унести жизни сотен тысяч и даже миллионов граждан США и союзнических стран. Вероятность подобной ракетной атаки неизвестна, однако ее последствия будут катастрофическими. Своевре-

Кит.Б.Пейн **против** Джозефа Чириинчионе

менное противодействие этой нарождающейся угрозе должно иметь высокий приоритет.

Противоракетная оборона, конечно же, не является полным ответом на эту угрозу. Однако она – существенная часть любого ответа. Террористические атаки, совершенные 11 сентября, показывают глупость успокоительных и устраивавших всех заявлений о том, что противники "не решатся" пойти на чрезвычайно рискованные действия. История полна примеров того, как не срабатывает сдерживание, если руководители идут на решительные действия. Даже во время "холодной войны" Соединенные Штаты и Советский Союз выжили, потому что "нам повезло", как отметил министр обороны США Роберт С. Макнамара. В период после "холодной войны" создалась такая обстановка, при которой условия, необходимые для надежного функционирования сдерживания, будут сохраняться, скорее всего, еще в меньшей мере. И не потому что руководители «государств-изгоев» отличаются безрассудством, а потому что многие основные условия, необходимые для предсказуемого функционирования сдерживания, принятые в период "холодной войны", нельзя более рассматривать как нечто само собой разумеющееся.

Угроза применения ракет и оружия массового поражения (ОМП) реальна, она нарастает. Сдерживание не оказывает требуемого действия и, если в обозримом будущем возможно создание противоракетной обороны, то она должна стать приоритетом. К счастью, президент, Конгресс и общественность уже приняли такое решение.

С уважением,
Кит

Уважаемый Кит!

Яростная политическая борьба партий, характерная для обсуждения вопросов политики в Вашингтоне с середины девяностых годов, в настоящее время, к счастью, утихла. Все мы надеемся, что этот новый дух сохранится и после текущего кризиса. Однако принципиальные разногласия по ключевым вопросам остаются, в частности, по вопросу противоракетной обороны. Здесь нет консенсуса между двумя партиями.

Член Палаты представителей Конгресса США Джон Спратт, один из главных лидеров умеренных де-

мократов в Палате, заявил нам при встрече в Фонде Карнеги, что демократы снизили активность по вопросам противоракетной обороны после 11 сентября "потому что мы не хотели оказаться в положении критиков администрации в это решающее время". Председатель Комитета по вооруженным силам Сената США Карл Левин пишет: "Те из нас, кто выступали с доводами о том, что одностороннее развертывание системы противоракетной обороны может повысить уязвимость Соединенных Штатов, а не понизить ее, находят свежие доказательства правильности нашей позиции в достойных восхищения многосторонних ответных мерах администрации США на последние террористические атаки".

По-прежнему существуют глубокие расхождения по вопросам угрозы, технической осуществимости, временного графика, затрат и стратегических последствий развертывания противоракетной обороны. Как Вы знаете, существует большое единство мнений по вопросу необходимости продолжения развертывания средств противоракетной обороны малой дальности или тактической ПРО. В данном случае существует доказуемая угроза и большая степень вероятности создания в итоге системы, обладающей, по меньшей мере, некоторым потенциалом противодействия ракетному комплексу Р-17, дальность действия которого составляет около 180 км, и другим аналогичным ракетам немногим большей дальности. Во время войны в Персидском заливе ракеты "Патриот" оказались неэффективными – несмотря на первоначальные неправильные представления о них и заносчивые ложные утверждения – однако в 2002 г. будет, наконец, принят на вооружение ее усовершенствованный вариант, отличающийся значительно большей эффективностью в отражении обычных угроз, создаваемых ракетами малой дальности. Расхождения во мнениях по поводу защиты от ракет дальнего действия по-прежнему сохраняются и не только между партиями. Многие должностные лица в министерствах иностранных дел и обороны придерживаются резко противоположных точек зрения по поводу этой программы и выгод сохранения Договора по ПРО. При этом в Палате представителей, контролируемой республиканцами, существуют расхождения во мнениях по вопросу затрат между "ястребами", занимающимися вопросами

обороны, и "ястребами", курирующими финансы.

Одним из примеров этих расхождений, а также серьезных технологических проблем, преследующих эту программу, является ноябрьское решение Комитета по ассигнованиям Палаты представителей отказаться от спутниковой системы, имеющей важнейшее значение для систем противоракетной обороны большой дальности. Создание инфракрасной системы наблюдения космического базирования на низкой околоземной орбите отстает на целые годы от своего графика, а сметы по программе выросли лишь за последний год с 10 млрд. долл. США до 23 млрд. долл. США, о чем заявили представители комитета. Должностные лица из Пентагона заявляют, что без спутников система ПРО работать не сможет. Лидеры-республиканцы из этого комитета отмечают технические и конструкторские проблемы, преследующие эту программу, и ее слишком большую стоимость.

Это лишь одна из десятков технических проблем, которую приверженные сторонники противоракетной обороны отбрасывают в сторону, пользуясь избитыми фразами о высоких технических возможностях Америки. Однако пройдут еще годы прежде, чем мы узнаем зарубежает ли такая система. Как заявил в июле прошлого года министр обороны Рамсфельд: "У нас нет системы. У нас нет архитектуры. У нас нет предлагаемой архитектуры. У нас есть лишь несколько очень интересных исследовательских, конструкторских и испытательных программ".

Хотя события 11 сентября, очевидно, не изменили мнения ни сторонников, ни противников, – в данном случае Вы, Кит, и я являемся двумя замечательными примерами этого – они привели к глубоким изменениям обстановки в дипломатической, политической и финансовой областях. В этом "новом мире" программы ПРО, скорее всего, окажутся в невыгодном положении. "Теперь уже никогда снова сторонники национальной противоракетной обороны не смогут заявить, как сделал это в мае президент Буш, что баллистические ракеты в руках режимов-«изгоев» являются "самой актуальной современной угрозой", – отметил сенатор Левин. "Баллистические ракеты – это не оружие террористов... да и навряд ли террористам удастся завладеть баллистическими ракетами для атак в будущем. Когда возобновятся дебаты

Кит.Б.ПЕЙН ПРОТИВ Джозефа Чириччионе

Державы, способные вскоре обладать баллистическими ракетами, могут создать потенциал МБР примерно через пять лет после принятия соответствующего решения

КИТ Б. ПЕЙН

по ПРО, надо еще больше помнить о том, что каждый доллар, который мы истратим на противостояние весьма маловероятной угрозе баллистических ракет – это доллар, который мы не израсходуем на противодействие наиболее вероятной угрозе терроризма".

Расходы на новую войну против терроризма быстро растут. Лишь для дезинфекции своих почтовых отделений почтовой службе необходимы миллиарды. Средства защиты от биологического терроризма будут стоить десятки миллиардов долл. США. Еще миллиарды пойдут на обеспечение безопасности в аэропортах. Только на военную кампанию уже выделено более половины экстренных ассигнований в размере 40 млрд. долл. США, утвержденных Конгрессом США в сентябре. Теперь противоракетной обороне придется соперничать с новыми потребностями в области обороны, большая часть которых рассматривается американцами как потребности противодействия наиболее актуальным угрозам. Это не гипотетические "что, если", а реальные угрозы, уже существующие или могущие возникнуть вновь.

Внутренняя оборона подразумевает усиление охраны важнейших объектов инфраструктуры, в том числе плотин, ядерных реакторов, химических заводов, мостов, туннелей и стадионов. Это означает не только накапливание запасов вакцин, как этого хочет президент, но также выделение средств на доукомплектование персоналом отделений неотложной помощи и больниц, профессиональную подготовку работников и аппаратуру обнаружения, как этого хочет Конгресс. Это означает, что США уже ведет войну на двух фронтах – в Афганистане и в аэропортах и почтовых отделениях Америки. Для обеих этих войн противоракетная оборона неактуальна. Она с ними не имеет ничего общего.

С уважением,
Джозеф

Уважаемый Джозеф!

Вы оспариваете мое утверждение о существовании политического консенсуса по вопросу приоритет-

ности расходов на противоракетную оборону, и приводите цитаты из выступлений члена Палаты представителей Джона Спратта и сенатора Карла Левина. Избранные цитаты обычно не дают полной картины, однако, если Вам нравятся такого рода доказательства, то я хочу процитировать следующие слова тех же самых руководителей Конгресса.

В отличие от Вашего утверждения о том, что отсутствует "доказуемая" угроза со стороны ракет большой дальности, член Палаты представителей Спратт заявил: "Я думаю, что уже нарождается и даже существует угроза случайной, несанкционированной ракетной атаки со стороны «государства-изгоя», и считаю, что для противостояния этой угрозе было бы разумным иметь систему противоракетной обороны". И, несмотря на Ваше заявление, что общая поддержка существует только по вопросу средств ПРО малой дальности, член Палаты представителей Спратт высказался в защиту противоракетной обороны: "Я уже давно считаю, что нашим самым правильным первым шагом было бы развертывание в двух районах средств обороны наземного базирования".

Подобно этому сенатор Левин заявил: "Я разделяю цель создания эффективной защиты для американского народа от нарождающейся угрозы нападения «государства-изгоев» с применением ракет большой дальности". И, чтобы добавить весомости своей точки зрения, хочу отметить, что сенатор Джозеф Либерман, недавний кандидат на пост вице-президента от демократической партии, заявил: "Нам необходима национальная противоракетная оборона. Мы стоим перед реальной и растущей угрозой, которой невозможно противостоять нашими обычными вооруженными силами, и которую нельзя сдержать угрозой возмездия".

Далее Вы заявляете, что террористические атаки, совершенные 11 сентября, изменили политический климат в сторону от поддержки противоракетной обороны. Самым последним и окончательным доказательством того, что это не так, являются реальные действия законодателей. Комитет по вооруженным силам Палаты представителей в своем докладе, опубликованном непосредственно перед 11 сентября, отмечает: "Комитет одобряет подход президента к вопросу о противоракетной обороне и с удовлетворением

отмечает, что предлагаемая программа ПРО включает в себя планы эшелонированной системы обороны и реальных испытаний, а также предполагает изучение всего спектра технологий. Комитет одобряет программу противоракетной обороны администрации США в целом, с небольшими поправками, и рекомендует выделить 8,2 млрд. долл. США, на 2,9 млрд. долл. США больше, чем определено на 2001 финансовый год, для продолжения разработки средств противоракетной обороны". 25 сентября 2001 г. Палата представителей в полном составе окончательно приняла с подавляющим перевесом голосов (398 против 17) "Акт об утверждении ассигнований на национальную оборону в 2002 г." В соответствии с ним на противоракетную оборону выделяется 7,9 млрд. долл. США, что на 2,5 млрд. долл. США больше, чем планировалось на 2001 г., и почти на 1 млрд. долл. США больше, чем запрашивалось для бюджета на 2002 г. Окончательные бюджетные цифры по противоракетной обороне будут, очевидно, зависеть от результатов проходящего сейчас совещания между Сенатом и Палатой представителей, так как Сенат предложил более низкий уровень финансирования. Однако уже сейчас ясно, что по сравнению с 2001 г. уровень расходов, предполагаемый для целей противоракетной обороны, будет значительно увеличен.

Консенсус, о котором я говорил, устоял, и по понятным причинам. События 11 сентября не разрушили общественный или политический консенсус по вопросу поддержки расходов на противоракетную оборону. Напротив, они продемонстрировали высокомерность и глупость позиций, исходящей из того, что "они не посмеют ударить по нам", и то, насколько серьезной является нарастающая угроза применения баллистических ракет. США нет необходимости отказываться от противоракетной обороны для финансирования других программ. Это не выбор между одним и другим, как Вы хотели бы это представить. Как показывают формирование бюджета на противоракетную оборону и последние экстренные ассигнования в размере 40 млрд. долл. США на борьбу с терроризмом, Соединенные Штаты будут финансировать создание оборонного потенциала против широкого спектра угроз, в том числе, и против ракетного нападения.

С уважением,
Кит

Кит.Б.Пейн **против** Джозефа Чиринчионе

Уважаемый Кит!

Я, Вы, Конгресс США, НАТО и Россия – все поддерживают противоракетную оборону. Тем не менее, в этом очевидном единогласии присутствуют широкие расхождения во взглядах. Все зависит от того, как определяется понятие "противоракетной обороны". Большинство поддерживает проведение исследовательских работ, применение средства ПРО малой дальности и изучение вариантов национальной обороны. При этом существует широкая оппозиция по вопросу выхода из Договора по ПРО и проведения срочной программы развертывания неэффективных противоракет.

Действительно, в этом году произошло резкое увеличение бюджета на противоракетную оборону, однако возможно, что он уже достиг своей высшей точки. Мнение давляющего числа политиков и общественных деятелей в США и Европе склоняется в сторону сохранения режима договора, который способствовал безопасности наших государств в течение пятидесяти лет, причем при разумных бюджетах. Например, газета с самым большим тиражом в нашей стране "USA Today" в передовой статье 22 октября отмечает: "Программа ПРО выступает в качестве неловкого признания того, что за последнее десятилетие Соединенные Штаты истратили массу времени и денег, пытаясь противостоять минимально вероятной угрозе: запуску ракеты с ядерной боеголовкой «государством-изгоя», стремящимся к самоубийству своей страны. При этом полностью игнорировалась более актуальная угроза, исходящая от террористов со скромным бюджетом, но большим воображением".

На 2002 финансовый год федеральное правительство выделило бюджет, равный 1,7 млрд. долл. США, для борьбы с террористами, применяющими ОМП, что является частью бюджета, равного 9,7 млрд. долл. США, на общую деятельность по борьбе с терроризмом. Однако, как Вы отмечаете, при этом мы истратим 7,9 млрд. долл. США на противоракетную оборону. Здесь необходимо восстановить некоторое равновесие.

Мало кто сомневается, что, если бы у Осамы бен Ладена было бы ядерное оружие, он воспользовался бы им. Однако где бы он его достал? Скорее всего, из огромных,

плохо охраняемых запасов материалов, оружия и специальных знаний, остающихся в России и других бывших государствах СССР, некоторые из которых находятся в 800 км от Афганистана. Вот почему так важно обеспечить охрану и ликвидировать 20 тыс. единиц российского ядерного оружия и 1100 тонн расщепляющихся материалов, а также найти рабочие места для тысяч безработных специалистов в области ядерного оружия и биологической борьбы. Нам необходимо устроить сумму 700 млн. долл. США, выделяемую ежегодно правительством США на совместные программы с Россией по сокращению угрозы (а также помочь убедить Европейский союз начать расходовать более серьезные суммы на эти цели). Если бы это удалось, мы могли бы за восемь лет обеспечить охрану и ликвидировать большую часть оружия, от которого исходит угроза.

В этом трагедия встречи между Бушем и Путиным в Крофорде. Несмотря на хорошее настроение и прекрасные кушанья, новая стратегическая основа так и осталась лишь пустой оболочкой. Возможность закрепить обязывающие сокращения вооружений и защитить российские арсеналы от краж террористов была упущена из-за позиций, которые Вы и другие защищаете. Расхождения по вопросу о системе противоракетной обороны, которая существует только на бумаге, предотвратили прогресс в уменьшении реальных ядерных угроз.

Даже после того, как международная коалиция разгромит «Аль-Каиду» и в корне уничтожит ее американские и европейские ячейки, останутся другие террористические угрозы. У террористов всегда будет существовать спрос на оружие массового поражения. Нашей лучшей защитой в этом является уменьшение его предложения. В конце концов, именно по этому вопросу мы с Вами расходимся. Противоракетная оборона призвана сыграть свою роль в общей системе обороны. С Вашей точки зрения эта роль должна быть главной. Я же думаю, что это лишь эпизодическая роль в более масштабной и актуальной драме.

С уважением,
Джозеф

Уважаемый Джозеф!

Я рад тому, что Вы одобряете противоракетную оборону и согласны с моей исходной посылкой о том, что в Америке существует

политический консенсус в отношении приоритета расходов на противоракетную оборону. Нет и показаний к тому, что этот политический консенсус разрушается. Данные недавнего опроса общественного мнения Исследовательского центра "Пью", например, показывают что после 11 сентября и без того мощная поддержка общественностью расходов на оборону и противоракетную оборону усилилась.

Я согласен с Вами, что противоракетная оборона является лишь одним из многочисленных требований обеспечения безопасности США и их союзников. Однако она имеет существенное значение и нет необходимости выбирать между ней и другими потребностями в области обеспечения безопасности как в финансовом, так и в оперативном плане. Конгресс вполне справедливо и вне всякого сомнения будет выделять средства на противоракетную оборону и другие потребности. Последние экстренные ассигнования на борьбу с терроризмом в размере 40 млрд. долл. США будут, например, идти на усиление существующих гражданских и военных мер противодействия.

Наши мнения также совпадают по вопросу о необходимости равновесия. Существующее "нарушение равновесия", однако, связано с полным отсутствием противоракетной обороны, полной уязвимостью США и их союзников в случае ракетной атаки. Никакие другие виды уязвимости не признавались с таким хладнокровием. Мы будем стремиться исправить это нарушение равновесия с тем, чтобы в будущем при нападении с применением ракеты, снаряженной ядерным или биологическим оружием, Америка не оказалась такой же неподготовленной, как это случилось 11 сентября. Отказ сейчас от противоракетной обороны перед лицом явно нарождающейся ракетной угрозы был бы такой же халатностью, как отказ от тех мер против распространения ОМП и террориз-

Теперь противоракетной обороне придется соперничать с новыми потребностями в области обороны, большая часть которых рассматривается американцами как потребности противодействия наиболее актуальным угрозам

ДЖОЗЕФ ЧИРИНЧИОНЕ

Кит.Б.ПЕЙН ПРОТИВ Джозефа Чиринчионе

Противоракетная оборона имеет существенное значение и нет необходимости выбирать между ней и другими потребностями в области обеспечения безопасности

КИТ Б. ПЕЙН

ма, которые Вы совершенно справедливо одобряете.

Вы довольно странно характеризуете встречу на высшем уровне в Крофорде. Ведь там, в исключительно благоприятной атмосфере, были явно похоронены старые враждебные настроения. При сохранении всех предельных ограничений и действующих мер по проверке в рамках Договора по СНВ президент Буш объявил о беспредметных сокращениях ядерных сил США и российский президент Владимир Путин ответил тем же. Такой прорыв мог произойти только при разрушении рамок архаичных переговоров в стиле "холодной войны". Некоторые оплакивали исчезновение подхода в духе "холодной войны", но он стал преградой для развития более дружеских политических отношений и проведения соответствующих сокращений ядерного оружия. В дополнение к этому и в Крофорде, и до этого президент Буш явно стремился к разрешению вопроса Договора по ПРО на основе сотрудничества и президент Путин продемонстрировал значительную степень гибкости. Кажется, что такое разрешение вопроса на основе сотрудничества уже реализуется, хотя и к досаде некоторых критиков противоракетной обороны. Крофорд отразил будущее в отношениях США и России, и это к лучшему.

С уважением,
Кит

Уважаемый Кит!

Сокращение ядерного оружия блокировалось не "архаичным" процессом контроля над вооружениями, а республиканским Конгрессом. Республиканцы приняли законодательство, запрещающее президенту Клинтону сделать то, что только что сделал президент Буш. Республиканцы заблокировали усилия президента Клинтона и президента Бориса Ельцина по сокращению боевых частей ракет каждой из сторон до 2000–2500. США и Россия договорились, но им просто не удалось заручиться поддержкой Конгресса.

Президент Буш, по сути, поддержал цель Клинтона и Ельцина, поставленную в 1997 г., за вычетом проверок, которые предусматриваются договором. Его цифра (1700–2200) ниже только потому, что им больше не учитываются боевые части ракет на подводных лодках и бомбардировщиках, находящихся на капитальном ремонте, которые не рассматриваются как "развернутые". Так как на капитальном ремонте постоянно находятся одна или две подводные лодки и на каждой из них имеется 192 боевых блока, то происходит магическое понижение чисел без изменения в силах, так что масштабы этого "прорыва" меньше, чем кажется на первый взгляд.

Аналогичное положение складывается и с противоракетной обороной. Вы по-прежнему пытаетесь облачить эту программу в некоторый великий консенсус, в нечто, к чему стремится подавляющая часть населения. Однако ни того, ни другого не существует. Давайте выйдем за пределы этих дебатов, продолжаясь уже десятилетиями. Именно на этой почве Вы, я и остальная часть Североатлантического союза могут быть едины во мнениях. Давайте будем проводить энергичную программу испытаний противоракетной обороны, выходящих за рамки примитивных демонстрационных пусков и проводящихся в реальных боевых условиях против многочисленных целей с реальными ложными целями и реальными скоростями возвращения в плотные слои атмосферы. Если такая оборона будет функционировать, мы сможем разработать совместные планы развертывания, которые повысят уровень безопасности США, а не понизят ее за счет начала новых конфликтов.

Для этого нам всего лишь требуется немного модифицировать Договор по ПРО. Россия готова согласиться разрешить создание нового испытательного полигона в Аляске и проведение испытаний бортовых радаров кораблей, оснащенных системой ПВО "Эйджис" – именно в этих двух областях проходящие испытания "сталкиваются" с договором. Как недавно заявил газете "Нью-Йорк таймс" госсекретарь Колин Пауэлл: "Мы не можем заниматься этим на основе личных отношений. Необходимо со временем сделать это на основе наших национальных интересов".

Иначе говоря Пауэлл сказал: "Вам надо это как-то кодифицировать".

Теперь, когда спор по Договору по ПРО завершен, противоракетная оборона становится еще одной программой, соперничающей с другими при получении финансирования и стремящейся выжить благодаря своим заслугам. Мы будем сохранять имеющиеся теперь международную коалицию и национальное единство целей. Это позволит нам работать вместе в области уменьшения угроз, что, по нашему обоюдному мнению, является наиболее актуальным международным приоритетом.

С уважением,
Джозеф

Резюме: Оба участника дебатов сошлись во мнении о том, что события 11 сентября выявили уязвимость США и их союзников в широком спектре угроз безопасности, срочно требующих внимания и повышения расходов. Они также приветствовали утверждение в сентябре Конгрессом США экстренных ассигнований в размере 40 млрд. долл. США и двухпартийный подход к разрешению текущего кризиса. Однако их мнения расходятся по вопросу целесообразности расходования 7,9 млрд. долл. США из ассигнованных средств на цели противоракетной обороны в 2002 г. По мнению Кита Б. Пейна важнейшая задача в настоящее время – инвестировать в ликвидацию большого разрыва в области обеспечения безопасности, в частности, угроз применения МБР, которые были определены Комиссией Рамсфельда в 1998 г. Более того, между расходами на противоракетную оборону и на другие приоритетные области нет какого-либо противоречия. С точки зрения Джозефа Чиринчиони масштабы затрат, технической осуществимости, угрозы и стратегических последствий при создании противоракетной обороны таковы, что она имеет меньшую приоритетность, чем такие вопросы, как защита от биологического терроризма, обеспечение безопасности в аэропортах, программы совместного сокращения угроз и сдерживания, которые требуют незамедлительного решения.

Противоракетная оборона – это
эпизодическая роль в
более масштабной драме
ДЖОЗЕФ ЧИРИНЧИОНЕ

Переоценивая союзы времен "холодной войны"

Петр Лунак пишет о том, как документы, найденные в архивах Организации Варшавского договора, влияют на традиционные толкования роли союзов времен "холодной войны" и вызывают в них сомнения.

Период после окончания "холодной войны" особенно интересен для историков, занимающихся этой эпохой. При обычных условиях исследователям приходится ждать несколько десятилетий до опубликования засекреченных документов, но в связи с распадом восточно-европейского военного блока открылось несколько архивов бывших стран Варшавского договора, что создало невероятные возможности для их изучения. В 1999 г. был учрежден международный проект "Параллельная история НАТО и Варшавского пакта", по которому учеными Востока и Запада ведется работа по оценке деятельности двух союзов в период "холодной войны". В процессе этой работы подвергаются переосмыслению главные спорные вопросы, такие как характер угрозы, исходивший от Организации Варшавского договора, относительная важность ядерного сдерживания и причины распада восточноевропейского блока, причем новые доказательства вызывают сомнения в избитых истинах.

Традиционно считается, что опасность превращения "холодной" войны в "горячую" была самой большой в начале пятидесятых годов, после вторжения Северной Кореи в Южную Корею. Как писал Конрад Аденауэр в своих мемуарах: "Сталин планировал для Западной Германии такой же прием, какой он использовал в Корее". Более того, идея о предстоящем советском вторжении в Западную Европу в пятидесятые годы выдвигалась многими историками, включая тогдашнего чешского эмигранта Карела Каплана в книге "В архивах Центрального Комитета: 30 лет секретов советского блока" (Michel, 1978). Основывая свой тезис на интервью с бывшим министром обороны Чехословакии Алексеем Чепичка, Каплан заявлял, что на заседании в Москве в январе 1951 г. Сталин призвал коммунистических лидеров Восточной Европы подготовить вторжение в Западную Европу.

С тех пор истолкование этих событий подвергалось сомнению многими исследователями. Например, чешский историк американского происхождения Войчек Мастны, убежденный, что Советский Союз никогда не представлял собой страшного врага, в книге "Холодная

Рыцари "холодной войны": проект «Параллельная история НАТО и Варшавского пакта» объединил ученых Востока и Запада

война и советское ощущение незащищенности: сталинские годы" (Cambridge University Press, 1996) делает вывод о том, что Stalin боялся надвигающегося нападения Запада в Европе, которое, как он считал, произойдет после ряда его поражений в Корее. Поэтому Мастны доказывает, что то, что другие авторы считали призывом к подготовке наступления на Запад, должно, по сути дела, истолковываться как призыв к подготовке обороны Востока.

Создается впечатление, что новые свидетельства, найденные в архивах бывшего восточного блока, придают вес доводам Мастного. В частности, стенограмма январского заседания 1951 г. в Москве, подготовленная министром вооруженных сил Румынии Эмелом Боднаросом и недавно найденная в Бухаресте, вроде бы, подтверждает оборонительный характер намерений Сталина. Такое истолкование событий опирается на факт отсутствия в то время подготовки вторжения в Западную Европу. Более того, в начале пятидесятых годов все европейские коммунистические армии уделяли главное внимание территориальной обороне. Например, по материалам чехословацких архивов мы знаем, что, хотя военные учения иногда включали отработку вопросов наступательных операций, они никогда не велись за пределами Чехословакии. В некоторых случаях, когда предусматривалось вторжение на иностранную территорию, оно планировалось только в рамках успешного контрнаступления.

Если свидетельства, полученные из чехословацких архивов можно считать второстепенными, то документы, недавно найденные в Польше, дают более убедительные доказательства оборонительных концепций, характерных для восточного блока того времени. План ведения военных действий польской армии 1951 г., подготовленный в то время, когда министром обороны Польши был советский маршал Константин Рокоссовский, несомненно, основан на предположении о неизбежном военном вторжении с Запада, и поэтому в нем главное внимание уделяется оборонительным действиям на польской территории. Военные стратегии Востока, предсказуемые страшными воспоминаниями о внезапном нападении нацистской Германии в 1941 г., не могли представить себе начало новой войны иначе, как нападение с Запада. Поэтому, как это ни парадоксально, в то время, когда западные руководители мучались мыслью о советской угрозе, военные стратегии Востока изыскивали все возможности для сдерживания неминуемого, как им казалось, вторжения с Запада.

Петр Лунак – редактор, работающий по программе установления связей и контактов в Отделе информации и прессы НАТО, чешский ученый, участник проекта "Параллельная история НАТО и Варшавского пакта".

Если советские намерения времен начала пятидесятых годов теперь кажутся менее амбициозными, чем когда-то считалось, оправдывает ли это тех, кто подвергал сомнению необходимость усилий Запада в НАТО по предотвращению того, что казалось неизбежным нападением со стороны Советов? Для того чтобы сделать правильный вывод, необходимо учесть ряд дополнительных факторов. Во-первых, то, что мы знаем сегодня, это не то, что западные лидеры знали тогда. Во-вторых, хотя мы знаем, что Сталин не хотел повторения корейского опыта в Европе, не ясно, придерживался ли бы он такой точки зрения, если бы не существовало НАТО. По сути дела, его решение санкционировать нападение на Южную Корею летом 1950 г. было, вероятно, основано на неправильном представлении о возможной реакции США после того, как государственный секретарь США Дин Ачесон официально исключил Корейский полуостров из сферы обеспечения безопасности Соединенных Штатов. После вмешательства США в конфликт в Корее, Сталин мог быть почти уверен в том, что они выполнят свои обязательства по Вашингтонскому договору в Европе. Поэтому, даже если существование НАТО не смогло предотвратить коммунистическое нападение на Корею, после этого нападения оно, тем не менее, стало совершенно необходимым в качестве гарантии защиты Запада.

По иронии судьбы сдвиг от оборонительных к наступательным концепциям в Организации Варшавского договора, кажется, произошел в период, который традиционно рассматривался как период улучшения отношений между Востоком и Западом после смерти Сталина. Эта трансформация тесно связана с переоценкой роли ядерного оружия. Хотя Сталин стремился к обладанию ядерным оружием, он не рассматривал его как важнейший стратегический фактор, так как, помимо прочих причин, его было просто слишком мало.

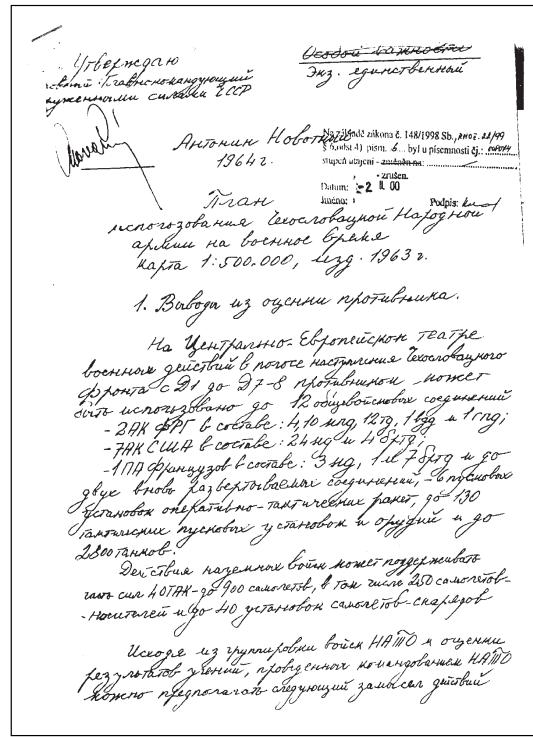
После смерти Сталина советские стратеги начали обсуждать последствия ядерной войны и в то время ядерное оружие стало уже краеугольным камнем доктрины массированного ответного удара НАТО. Таким образом, в середине пятидесятых годов ядерное оружие было с опозданием включено в стратегические планы восточно-европейских армий. Обсуждение этих вопросов и его результаты прекрасно описаны Гербертом Динерштайном в книге "Война и Советский Союз: ядерное оружие и революция в советском военном-политическом мышлении" (Praeger, 1959) и в работе Рэймона Гартхофа "Советская стратегия в ядерный век" (Praeger, 1958).

Как отмечали эти и другие авторы, существовали фундаментальные различия между Западом и Востоком в понимании сути ядерного конфликта и его потенциальных последствий. В соответствии с пониманием советских военных стратегов того времени, ядерное оружие

должно было определять темп ведения военных действий, но не весь их характер. Так как ядерное оружие в значительной степени сокращало продолжительность этапов ведения войны, советские стратеги доказывали, что необходимо наносить мощные упреждающие удары с применением ядерного и обычного оружия с целью захватить инициативу. В свою очередь, западные стратеги никогда не предусматривали ведения действий после начального ядерного столкновения с нанесением массированных ударов, как это показано в сборнике "Стратегические документы НАТО: 1949-1969 гг." (НАТО, 1997 г., под редакцией Грегори Педлоу). Советские же стратеги предполагали, что их массированный удар подготовит почву для наступления сухопутных войск. Разработчики оперативных планов восточного блока, убежденные в возможности добиться победы в ядерной войне, рассматривали такой конфликт в качестве реалистического сценария, таким образом сбрасывая со счетов любое сдерживание со стороны Запада и превращая войну в опасную и реальную перспективу.

Отражение такого грубого военного мышления можно видеть в плане, который я нашел в военном архиве в Праге. Его подробности представлены на веб-сайте "Параллельная история НАТО и Варшавского пакта". Этот план будет подвергнут анализу в следующем выпуске "Международного бюллетеня истории холодной войны". В соответствии с этим документом, который датирован 1964 г., тогдашние чехословацкие и советские военные стратеги предполагали вторгнуться во Францию через несколько дней после начала войны, захватить на девятый день г. Лион и превратить Западную Европу в ядерный ад.

Чехословацкий план военных действий 1964 г. игнорирует возможность неядерной войны в Европе и исходит из того, что война начнется с массированного ядерного удара

Чехословацкий план военных действий 1964 г.

Запада. Разработанный в период разрядки напряженности после заключения первого соглашения о контроле над вооружениями – Договора о запрещении ядерных испытаний 1963 г. – этот план показывает, что советские руководители того времени по-прежнему твердо придерживались ленинских идей об агрессивности западного блока, причем советские руководители и их восточно-европейские союзники придерживались таких взглядов вплоть до середины восьмидесятых годов. Этот план в некотором смысле является откровением, так как создается впечатление, что доктрина гибкого реагирования НАТО, целью которой было повышение степени надежности сдерживания путем ограничения конфликта до предположительно управляемого уровня, не смогла убедить СССР отказаться от представлений о возможности победы в ядерной войне. Более того, он показывает, что Советы не строили иллюзий о возможности ведения обычной или ограниченной ядерной войны.

Хотя ядерное превосходство США не смогло удержать советских лидеров от балансирования на грани войны во время двух крупнейших кризисов "холодной войны" (Берлин в 1961 г. и Куба в 1962 г.), сдерживающее влияние ядерного оружия Запада обычно рассматривалось как само собой разумеющееся. Однако, как пишет Джон Миллер в книге "Отдаление от судного дня: постепенное исчезновение больших войн" (Basic Books, 1989), опора Запада на ядерное сдерживание представлялась не только не единственным возможным, но даже и не наиболее надежным способом предотвращения начала третьей мировой войны. Более того, в соответствии с документами, найденными в ходе проекта "Параллельной истории", кажется даже, что в последнее десятилетие "холодной войны" СССР был в меньшей степени обеспокоен подсчетом точного числа ядерного оружия с обеих сторон. Его больше волновало тогдашнее отставание в области обычных вооружений, особенно в области высокотехнологичных, высокоточных видов оружия — область, в которой СССР когда-то имел неоспоримое преимущество. Хотя спор о воздействии ядерного сдерживания на Советы остается неразрешенным, фактор западного обычного оружия и ясное стремление его использовать представляется, как минимум, не менее эффективным сдерживанием, чем использование угрозы ядерного Армагеддона.

Справедливо ли утверждение, что восточный блок распался под тяжестью своих собственных неудач, и что Запад сыграл лишь периферийную роль в его развале? Или же Запад, или, более конкретно, НАТО, сыграл важнейшую роль в этом событии? Ответ на этот вопрос может быть весьма неоднозначным. Как доказывает Мастный в своем замечательном исследовании "Участь у врага: НАТО как модель Варшавского пакта" (Zürcher Beiträge zur Sicherheitspolitik und Konfliktforschung, Nr. 58, 2001), НАТО была не только противником, но и, во многих отношениях, моделью того, как следовало разрешать непрекращающийся кризис Организации Варшавского договора. Однако, как показывает Мастный, различные попытки подражать НАТО, в конце концов, усугубили этот кризис.

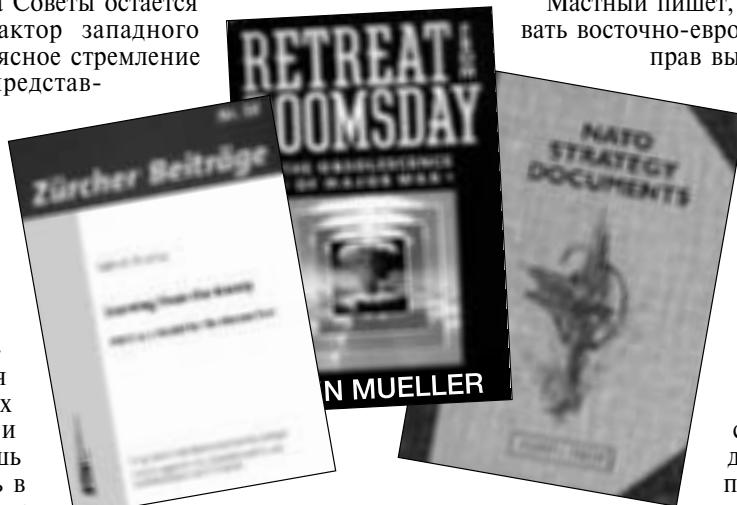
Различие между НАТО и Организацией Варшавского договора было весьма очевидным и существенным. НАТО была создана по просьбе западно-европейских правительств и, несмотря на бесспорное руководство США, это было сообщество равных. В противовес этому, Организация Варшавского договора была детищем СССР, а другие члены первоначально имели в ней минимальное влияние. Более того, когда в 1955 г. Н.С. Хрущев создал Организацию Варшавского договора якобы в ответ на вступление Федеративной Республики Германии в НАТО, решение о ее создании было, прежде всего, тактической уловкой. Предлагая одновременный роспуск обоих союзов, Хрущев считал, что сможет избавиться от НАТО, поддерживая при этом систему

двусторонних оборонительных соглашений с западноевропейскими государствами.

Тем не менее, после того как Организация Варшавского договора появилась на свет, советским лидерам стало все труднее сопротивляться попыткам восточно-европейских союзников превратить его в подлинный союз, в чем-то похожий на НАТО. Когда первые попытки проведения реформ не дали желаемых осозаемых результатов, неспособность Советов предоставить своим союзникам равный статус, погасила энтузиазм некоторых восточно-европейских союзников в отношении недавно созданного союза. Восточно-европейские союзники СССР все чаще оказывались в ситуации, когда им приходилось идти на риск в советских авантюрах, не имея при этом возможности участвовать в управлении этими процессами. Поэтому, как мы теперь знаем, после кубинского ракетного кризиса 1962 г. Бухарест тайно сообщил Вашингтону о том, что в случае ядерного конфликта Румыния намерена сохранять нейтралитет.

Мастный пишет, что, хотя СССР не хотел давать восточно-европейским союзникам больше прав высказывать свое мнение, чем это было необходимо, тем не менее там понимали важность ощущения союзниками принадлежности к союзу, особенно после вторжения в Чехословакию в 1968 г. и усиления диссидентских настроений в Румынии. Однако, результаты проводимых тогда реформ имели неоднозначный характер. При попытках удовлетворить стремление союзников к созданию союза, основанного на принципе равенства, Советы все лучше понимали, что не смогут предоставить им того, чего те реально хотели, в частности,

возможности проведения консультаций подобных тем, что проводились западно-европейскими государствами в рамках НАТО. С другой стороны, выстраивая более равные отношения с вооруженными силами в различных восточно-европейских странах Советам удалось воспитать офицерский корпус, преданный Москве. Это спасло их, например, от необходимости вторжения в Польшу в начале восьмидесятых годов, когда наступавший уже кризис был временно разрешен в результате военного переворота под руководством генерала Войцеха Ярузельского. Когда, однако, последний советский руководитель, М.С.Горбачев, пытался вдохнуть новую жизнь в восточный блок, его надежды на объединение военного союза равных в западном стиле с обновленной советской системой лишь углубили кризис Организации Варшавского договора и ускорили ее крах.

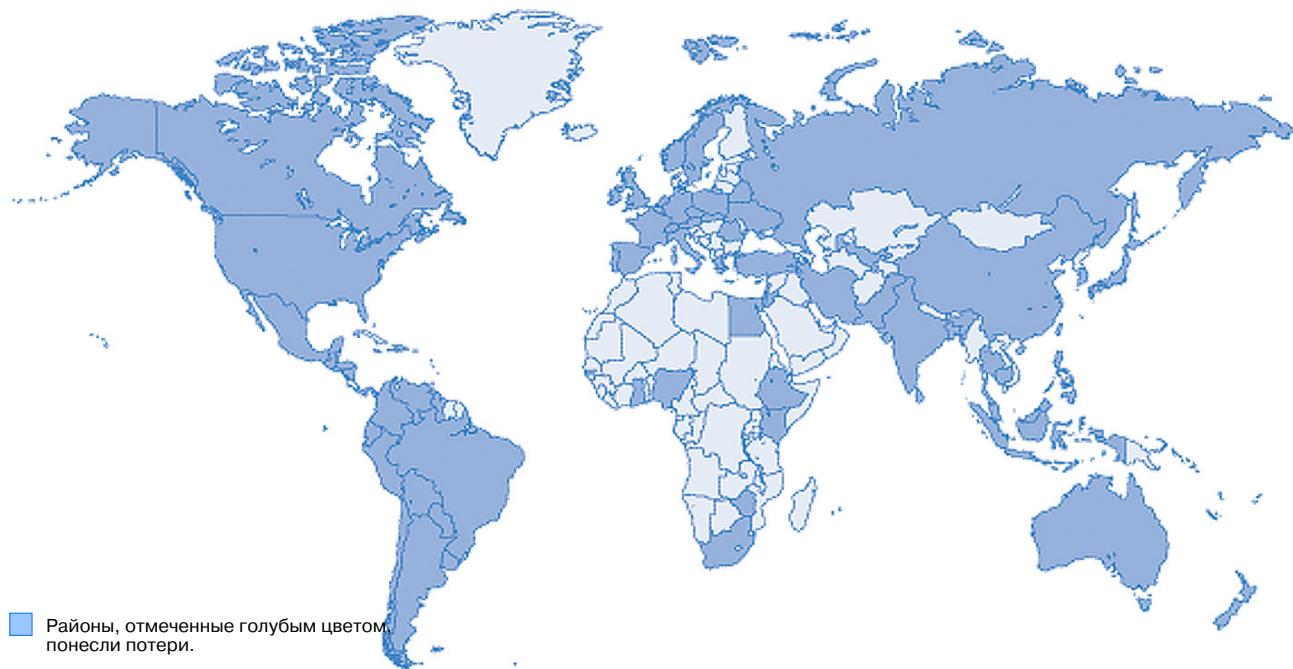

Открывая новые факты

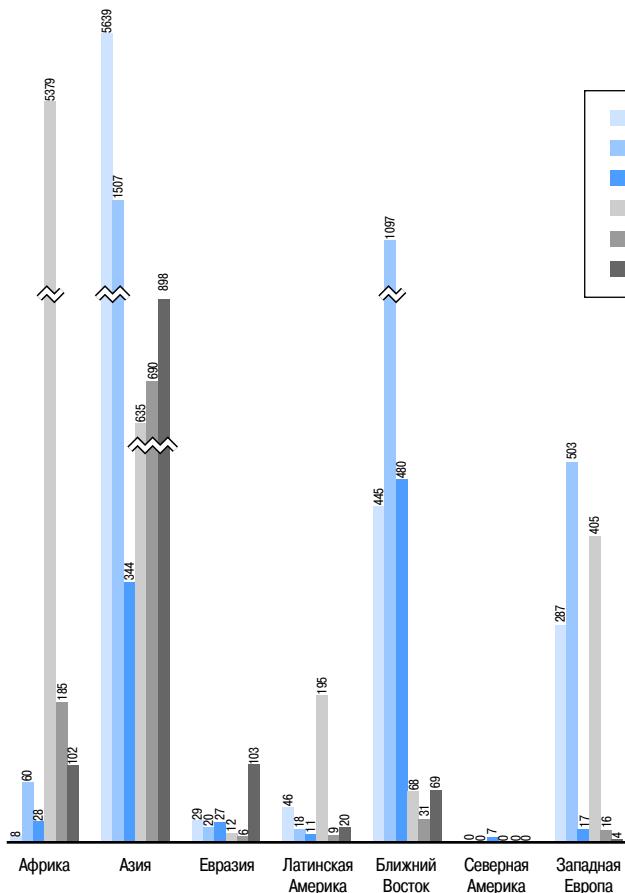
 Подробности проекта "Параллельная история НАТО и Варшавского пакта", все основные документы и результаты исторических исследований имеются в Интернете по адресу: www.isn.ethz.ch/php

Международный терроризм

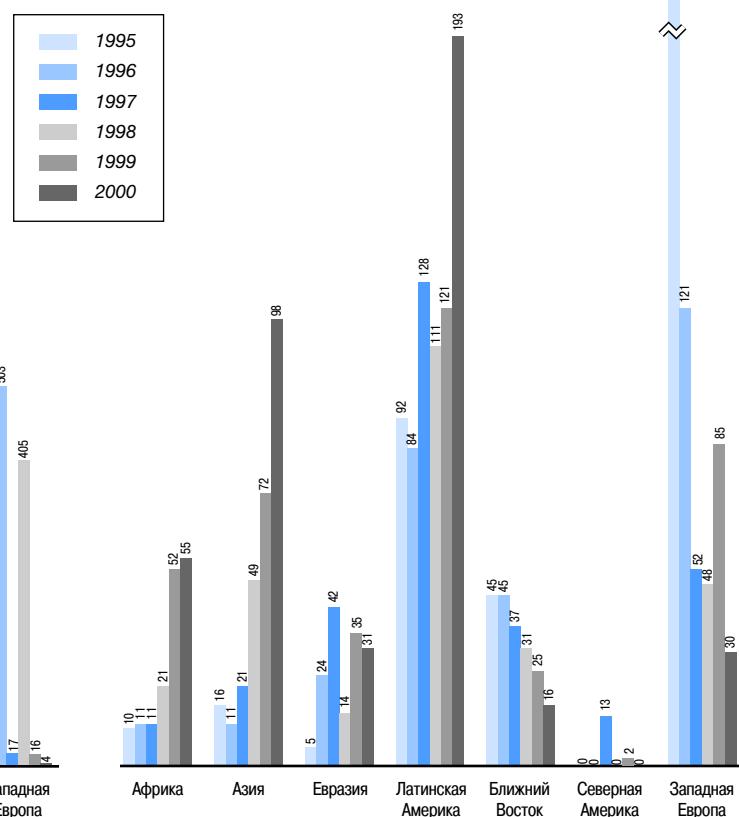
Страны, которые понесли потери 11 сентября 2001 г.

Потери разных стран по регионам, 1995-2000 гг.

Атаки в разных странах по регионам, 1995-2000 гг.

Представленная выше карта и статистические данные заимствованы с веб-сайта Госдепартамента США: www.state.gov

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Вестник НАТО становится электронным изданием: последний печатный выпуск журнала

Вестник НАТО идет в ногу со временем и становится исключительно электронным изданием. Это означает, что настоящеое печатное издание журнала будет последним.

Решение публиковать журнал только на Интернете отражает революцию в средствах связи, произошедшую в последние годы, и резкий рост интереса к деятельности Североатлантического союза. Быстрое расширение использования Интернета — количество «посещений» веб-сайта НАТО удваивается с каждым годом — позволило предоставить Вестник НАТО значительно более широкой читательской аудитории, чем это когда-либо было возможно при публикации журнала лишь в бумажном варианте. Одновременно с этим затраты на печатание журнала на семнадцати языках стали настолько высокими, что государствам-членам НАТО пришлось изменить приоритеты расходов Североатлантического союза.

Вестник НАТО будет выходить раз в три месяца на пятнадцати языках стран НАТО и в дополнение к этому на русском и украинском языках. Он будет продолжать вносить свой вклад в конструктивное обсуждение атлантических вопросов. В будущем читатели смогут знакомиться с журналом на веб-сайте НАТО (www.nato.int). Вестник НАТО, выходящий только на Интернете, будет по-новому оформленным и улучшенным изданием двадцать первого века.

Читателям, желающим загружать с Интернета будущие издания Вестника НАТО сразу после их публикаций, необходимо направить запрос по электронной почте по адресу NIDS4@hq.nato.int с указанием языка, на которым им хотелось бы получать журнал. Их адрес будет автоматически включен в список электронной рассылки, позволяющей информировать читателей о выходе журнала в свет.

организация североатлантического договора

бельгия
канада
чешская республика
дания
франция
германия
гречия
венгрия
исландия
италия
люксембург
нидерланды
норвегия,
польша
португалия
испания
турция
великобритания
сша